

ПАНОРАМА

**Научные труды
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
Том XXII**

PANORAMA

**Academic Annals
Faculty of International Relations
Voronezh State University
Vol. XXII**

ISSN 2226-5341

ПАНОРАМА

**Научные труды
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
Том XXII**

ISSN 2226-5341

Панорама

2016, Том XXII

Учредитель:

Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году. С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают нумерацию предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. О.Н. Беленов

проректор по экономике и международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «ВГУ»; профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. А.И. Лылов

доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. П.А. Канапухин

декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ»; заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. В.Н. Морозова

заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. Е.В. Ендовицкая

заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р полит. н. А.А. Спилько

профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р ист. н. М.В. Кирчанов

отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. Е.П. Цебекова

заместитель декана по воспитательной и социальной работе, доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. И.В. Комов

преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. А.И. Удовиченко

профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22

Рукописи предоставляются в редакцию в электронном виде на диске или по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет, 2016

© Составление, ФМО ВГУ, 2016

© Авторы, 2016

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

- М.В. Курчанов*, Проблемы визуализации городского и сельского социокультурных пространств хорватской истории в работах Йосипа Хорвата 5
- О.Ю. Михалёв, Н.Я. Неклюдов*, Категории внешней политики Московского царства 11
- А.М. Ипатов*, Политика Александра III в отношении Германии 23
- Кярчансен Максэме*, Изобретение национальных традиций: интеллектуальные тактики и стратегии локализации архаичной культуры в модерновой идентичности (фольклор и литература в чувашском национализме, 1960 – 1970-е гг.) 35

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- В.А. Тонких, Л.И. Кондратенко*, Россия в современном глобальном мире (в свете событий последнего времени) 41
- О.Ю. Кордюкова*, Россия в глобализирующемся мире: ответы на внешние вызовы 50

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- Кярчансен Максэме*, Между эссенциализмом и постмодернизмом: Кестентин Иванов в чувашской национальной памяти 62
- Е.В. Ишимская*, Проблема интеллигенции в западноевропейской историко-философской традиции 68
- Anna V. Darkina*, Symbols of nationality through the eyes of Nicholas Roerich 76
- М.В. Курчанов*, Локализируя модерное / урбанистическое и архаичное / руральное в украинских культурных пространствах начала XX века 91

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

М.В. Курчанов

Проблемы визуализации городского и сельского социокультурных пространств хорватской истории в работах Йосипа Хорвата

Автор анализирует проблемы визуализации истории Хорватии. Историческое воображение было важным фактором в формировании хорватской национальной идентичности. Историческое воображение содействовало визуализации коллективных представлений о хорватской истории. Иллюстрации в обобщающих текстах, сфокусированных на хорватской истории, актуализировали различные уровни и форм идентичности.

Ключевые слова: Хорватия, хорватская идентичность, визуализация идентичности

The author analyzes problems of visualization of history in Croatia. The historical imagination was an important factor in the formation of Croatian national identity. Historical imagination assisted to visualization of collective representations of Croatian history. The illustrations in general studies, focused on Croatian history, also actualized the various levels and forms of identity.

Keywords: Croatia, Croatian identity, visualization of identity

Хорватия – европейская страна с сильной городской и аграрной традицией. Феноменом хорватской истории были сильные аграрные партии, которые существенно влияли на политическую жизнь в межвоенный период. С другой стороны, именно город стал тем центром, где развивалось национальное движение. Хорватская интеллигенция на протяжении XX века колебалась между двумя этими центрами поддержания хорватской идентичности. Эти сложные искания в наибольшей степени отразились в развитии хорватской историографии – поэтому, само написание хорватской истории развивалось как попытка выяснить ту роль, которую в прошлом сыграли город и сельская провинция.

В межвоенный период, в Королевстве СХС, а позднее, с 1929 года, и в Югославии хорватские интеллектуалы отчетливо ощущали и

понимали то, что находятся в неравном положении по сравнению со своими сербскими коллегами. Тем не менее, несмотря на дискриминацию и доминирование великосербских тенденций во внутренней политике, хорватские историки стремились изучать и популяризировать национальную историю. Анализируя многовековую историю Хорватии перед ними неизбежно возникала проблема соотношения городских и аграрных факторов. Одна из интересных попыток осмысления этой стороны хорватской истории представлена в фундаментальном исследовании Йосипа Хорвата «Хорватская культура», два тома которого вышли в Загребе в 1939 и 1942 годах.

В центре настоящей статьи – не собственно историческая концепция хорватского историка, а визуальная, иллюстративная, сторона его исследования, попытка при помощи богатого иллюстративного материала показать, донести до читателя как городские, так и аграрные аспекты хорватской истории. Иными словами, визуализация хорватской истории бала, с одной стороны, способом поддержания идентичности, а, с другой, попыткой соотнести городские и аграрные дискурсы истории Хорватии.

Публикация 1939 и 1942 годов представляет собой фундаментальное, богато иллюстрированное издание. Весь иллюстративный материал можно разделить на отражающий образ Хорватии, как аграрной страны и на тот, который позиционирует образ городской, урбанистической, современной Хорватии.

Подбирая иллюстрации к исследованию, посвященному истории хорватской культуры, издатели и автор, вероятно, стремились позиционировать образ Хорватии как страны с развитой городской культурой, урбанистической традицией. Например, в первом томе мы находим и «Grad Krk» – типичный городской ландшафт, омываемый морем. Города же позиционировались как не просто центры хорватской культуры, но и как центры религиозной культурной традиции, как центры католицизма – поэтому, перед нами и «Katedrala sv. Tripuna u Kotoru», и «Crkva u starom Gradu Pagu», и «Frankopanski oltar u Vrbniku» [1]. Загреб в такой ситуации позиционировался как своеобразный центр не только

всей городской хорватской традиции, но и как хорватский национальный центр. Поэтому усилиями авторов и издателей перед нами возникает образ Загреба – сердца Хорватии, религиозного центра, оплота католичества. Такой образ культивируется такими иллюстрациями как «Stara katedrala u Zagrebu», «Portal stare katedrale u Zagrebu» [2].

Сам Загреб позиционировался в конце 1930-х – начале 1940-х годов как тихий и типичный европейский город, чем местные политики и интеллектуалы стремились подчеркнуть особый статус Хорватии как тихой европейской провинции в период бурной второй мировой войны. Это относится к иллюстрациям с характерными названиями – «Tipična zagrebačka ulica iz početka XIX vijeka» [3]. Другие иллюстрации, среди которых «Staro kazalište u Zagrebu» и «Unutrašnjost starog Zagrebačkog kazališta» [4], словно подчеркивают причастность Хорватии к достижениям европейской городской культуры, к европейской театральной жизни. Сама же хорватская городская культура позиционируется как в одинаковой степени традиционная, приверженная ценностям национального наследия, так и современная – поэтому, наряду с многочисленными соборами, театрами и храмами перед нами и современный для межвоенной Хорватии спортивный зал (Gimnastička zgrada u Zagrebu), построенный по проекту Ивана Земляка [5]. Усилиями Й. Хорвата в его двухтомной истории хорватской культуры сформирован образ Загреба как хорватской столицы, как большого города, промышленного центра [6].

Значительное внимание при издании книги было уделено подбору иллюстративного материала, который подчеркивал аграрный дискурс хорватской истории. Поэтому, оба тома содержат достаточно много иллюстраций относящихся к бытовой стороне жизни хорватского крестьянства. Например, среди иллюстраций мы можем найти изображения народной одежды из окрестностей Книна (Narodnja pošnja iz okolice Knina), зафиксированные Зденкой Сертич [7]. Наряду с сельским этнографическим материалом, например – орнаментами крестьянской одежды из различных районов Хорватии («Kroj seljačke pošnje iz okolice Bistre») [8], в книге Й. Хорвата мы найдем и образы

сельской культуры, которые своим появлением обязаны интеллектуалам-горожанам. Например, первый том сопровождается репродукцией картины Ивана Генералича (Ivan Generalić, Povratok s raše), зафиксировавшей почти идиллический момент возвращения крестьянина с пастбища [9].

Среди иллюстративного материала аграрного характера особое место принадлежит материалу, отражающему особенности крестьянского быта простых хорватов в первой половине XX века. Поэтому, *hrvatski seljak* – основной герой. Поэтому, одна из иллюстраций, которая позиционирует хорватского крестьянина не в национальной, но европейской одежде, так и называется – «*Hrvatski seljak*» [10]. Среди уникального иллюстративного материала мы находим и фотографии типичных клетей (*Zagorska klijet*), типичных крестьянских домов («*Dvije stare seljačke kuće iz Stupnika kod Zagreba*»). На фоне такой сельской специфики гармонично смотрятся и хорватские крестьянки в традиционной национальной одежде («*Seljačke kuće u oborovu*») [11].

Среди иллюстративного материала немало образов хорватского крестьянства: мы находим и проявления трудовой ежедневной истории хорватского крестьянства [12], и хорватскую крестьянку в народной одежде из окрестностей Загреба, девочку в традиционном головном уборе из окрестностей Яске, крестьянок из Шестина так же облаченных в народные платья. Аграрный дискурс среди иллюстраций явно доминирует – фотографии этнографического плана дополняются теми, которые отражают бытовые моменты жизни хорватских крестьян. Поэтому, нам доступны и фотографии традиционных танцев, видим мы и хорватских крестьян перед церковью [13].

Примечательно то, что создавая образ сельской Хорватии, Й. Хорват пытался интегрировать в хорватский исторический ландшафт и быт боснийских мусульман, в которых он видел тех же хорватов, но которые в отличии, например от хорватов из Загреба, исповедуют не католицизм, а ислам. Одна из фотографий, приведенных в качестве иллюстрации, имеет характерное название – «*Stari musliman - Hrvat*» [14]. Поэтому наряду с хорватскими домами мы находим фотографии и домов

мусульман – «Muslimanske kuće iz okolice Kladuše» [15]. В целом, для анализируемого издания характерна тенденция интегрировать не только саму историю Боснии и Герцеговины в историю Хорватии, но и проявления материальной культуры в хорватский контекст. Поэтому, мы находим не только «Bosanska planinska kuća», но и «Seljačka kuća iz Hercegovine» [16]. Среди простых героев хорватской истории, которые предстают перед нами в книге Й. Хорвата, не только католики, но и мусульмане. Отдельные иллюстрации «Molitva u Džamiji» и «U medresi» [17], «Pozarni dan u Bosni» и «Hodže na pazaru» [18] позиционирует бытовые и религиозные стороны жизни мусульман.

Отдельно следует упомянуть иллюстрации, призванные доказать и показать гармоничное сочетание городской и сельской тенденции в истории Хорватии. Например, в первом томе мы можем найти репродукцию картины Бранко Шеноа «Старая загребская кафедра» (Branko Šenoa, Stara Zagrebačka katedrala) [19]. Картина позиционирует своеобразную хорватскую дихотомию – сосуществование городской и аграрной Хорватий: на площади мы видим как горожан, так и хорватских крестьян, одетых в народные костюмы. Впечатление столкновения двух миров еще более усиливается повозкой, принадлежащей явно не хорватам-горожанам, а хорватским крестьянам.

Среди иллюстраций второго тома упомянем две, которые завершают книгу. Первая демонстрирует нам образ Хорватии-матери: перед нами хорватская крестьянка с двумя детьми, «Seljačka majka iz okolice Zagreba» [20], идущая по дороге. Это – символический образ, призванный подчеркнуть, что будущее Хорватии – это ее крестьянство, хорватский народ. Последняя, завершающая, фотография имеет символическое название «Rodna zemlja» [21] – перед нами аграрный ландшафт, сельская дорога, крестьянка, идущая вдаль. Этот образ – символическое воплощение всей Хорватии, ее истории, которая развивалась как сочетание двух традиций – аграрной и городской.

Подводя итоги этого небольшого исследования, посвященного визуальным образам хорватской истории, отметим, что воплощение хорватского прошлого в тексте развивалось как постоянное сочетание

аграрных и городских мотивов. Сама история Хорватии позиционировалась как история с устойчивыми аграрными и городскими тенденциями. Хорватская сельская периферия осознавалась как центр поддержания народной культуры, хорватских национальных традиций, а город в такой ситуации позиционировался как центр модернизации сельского национального колорита.

Таким образом, исторические исследования Йосипа Хорвата демонстрируют нам то, что хорватская историография развивалась в условиях господства дихотомии сельских и городских дискурсов. С другой стороны, научная деятельность хорватского историка воплощенная в столь творчески написанном исследовании только подчеркивает то, что проблема отношений города и сельской периферии принадлежит к числу тем необычайно широких, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

1. Horvat J. Kultura Hrvata kroz 1000 godina. – Zagreb, 1938. – D. 1. – Prilozi. – no 75, 92 – 95.
2. Ibid. – D. 1. – no 232 – 233.
3. Ibid. – D. 1. – no 238.
4. Ibid. – D. 1. – no 346 – 347.
5. Ibid. – D. 1. – no 354.
6. Ibid. – D. 2. – no 170.
7. Ibid. – D. 1. – S. 288.
8. Ibid. – D. 1. – no 323.
9. Ibid. – D. 1. – S. 384.
10. Ibid. – D. 1. – no 343.
11. Ibid. – D. 1. – no 275 – 277.
12. Ibid. – D. 2. – no 196 – 199.
13. Ibid. – D. 1. – no 325 – 329.
14. Ibid. – D. 2. – no 282.
15. Ibid. – D. 1. – no 278.
16. Ibid. – D. 1. – no 282 – 283.
17. Ibid. – D. 2. – no 194 – 195.
18. Ibid. – D. 1. – no 345 – 346.
19. Ibid. – D. 1. – S. 96.
20. Ibid. – D. 2. – no 285.
21. Ibid. – D. 1. – no 289.

Категории внешней политики Московского царства

Целью статьи является обоснование точки зрения, что внешняя политика Руси эпохи Средневековья и Раннего Нового времени выстраивалась в соответствии с иными принципами, нежели в более позднее время. Для этого производится анализ выделенных черт, характерных для традиции ведения внешней политики в Средневековье на примере Московского царства, а также категориального круга, относящихся к данной традиции.

Ключевые слова: Московское царство, Средневековье, Иван Грозный, категории, война, мир, внешняя политика.

The purpose of the article is the justification of the point of view that the foreign policy of Russia of an era of the Middle Ages and Early Modern times was runned according to other principles, than in later times. This involves the analysis of selected features of the tradition of conducting foreign policy in the Middle Ages on the example of Moscow tsardom, as well as categorical terms, related to this tradition.

Key words: Moskow tsardom, Middle Ages, Ivan the Terrible, categories, war, piece, foreign policy.

В 1942 году в университете Фрайбурга (Брайсгау) в зимний семестр были впервые прочитаны лекции М.Хайдеггера, посвященные «богине Алетейе», или Истине, с которой сталкивается путешественник на знаменитых страницах поэмы Парменида «О природе». Хайдеггер задаётся следующим вопросом онтологии: как же мыслит сам Парменид Истину, а не исследователь, трактующий философа-Парменида? Истина есть «несокрытость», словно холодное, красное солнце заката, уходящее медленно в «сокрытие» за ночной горизонт, в Ложь [23; С. 40]. Пример Хайдеггера нужен для того, чтобы проиллюстрировать читателю суть онтологической проблемы исторического знания: как понять смысл того или иного вопроса не с позиции исследования XXI века, при котором мы представляем историческую Истину «по-своему», наделяя её «своими» категориями, которыми применительно к международным отношениям были бы «государственный интерес», «геополитика», «политика», «границы» и т.д., но осознать её, эпоху, людей, живших в той эпохе, осознать «ту»

Истину. Понять, как люди XVI века мыслили и понимали «политику», «мировую политику», «международные отношения» и ответить на вопрос, какими категориями руководствовался царь, ведя войну или переговоры о мире/союзном соглашении - и есть тема, входящая в круг научных интересов авторов.

Научно-исследовательская база данного вопроса многочисленна. Многие авторы, как зарубежные, так и отечественные, задавались, казалось бы, невыполнимой целью: снять с Руси Раннего Нового времени исследовательскую «завесу» Нового и Новейшего времени, и представить читателю её - в первоначальном виде на примере XVI века.

Мы говорим о XVI веке, веке правления Ивана Грозного, который, своей яркой, жестокой, провальской политикой и, как следствие этой политики - Смутой, закрепил за собой этот век, в который произошло покорение Казани (1562) и Астрахани (1564), знаменитая Ливонская война 1557 - 1583 годов, нарративный базис которой - переписки, послания, списки, мирные договоры и проч., - лакмусовая бумажка эпохи и составная часть нашего исследования. Мы также говорим о XVI веке, потому что, по нашему мнению, этот век венчает своеобразный этап целой эпохи международных отношений государства Русь, начавшийся еще в Средневековую эпоху монгольских завоеваний. Уже в XVII веке вхождение в Вестфальскую систему международных отношений ознаменует постепенное возникновения новой, реалистической традиции ведения внешней политики, в XVIII веке, при Петре I, этот процесс завершится.

Какие этапы следует выделить в характеристике традиции ведения внешней политики Московского царства XVI века? Что служит интеллектуальным подспорьем, позволяющим нам это сделать? Всё это вопросы, на которые мы будем стараться ответить по ходу работы. Во-первых, следует указать истоки: когда зарождалась традиция ведения внешней политики Московского царства и, соответственно, охарактеризовать её отличительные особенности. Во-вторых, следует сказать и дать краткий анализ категориальному кругу традиции

внешней политики Московского царства. На основании этих двух положений мы, в-третьих, подведем итог краткому анализу и выведем общую характеристику традиции ведения внешней политики Московского царства.

Мы начинаем рассматривать традицию ведения внешней политики Московского царства с характеристики её истоков. Сразу оговоримся, слово «политика» - конструкт куда более позднего времени. Впервые в России он употребляется в 60-х годах XVII века, (что уже выходит за временные рамки исследуемого периода) в одноименном труде Юрия Крижанича «Политика». Очевидным становится то, что в эпоху Ивана Грозного данное понятие никогда не употреблялось, по крайней мере, в нарративной форме [9; С.6] .

Истоки традиции ведения внешней политики Московского царства лежат в период монгольских завоеваний и установления владычества Монгольской Империи и далее - Золотой Орды над раздробленной Русью (1237 - 1480). Исследовательская база, относящаяся к монгольскому периоду внешней политики государства Русь, представлена обширным количеством работ [см. подробнее по данной теме: 1; 2; 3; 7; 8; 10; 11; 13; 17; 18; 26; 27], из которых наиболее ценными для нас являются работы Г. Вернадского, Б.Д. Грекова, Ю.В. Селезнёва, Ч. Гальперина. Последний попытался проникнуть в сознание книжника XIII века и описать главным образом категории, используемые летописцем, говорившем о событиях своего времени. Отметим наиболее важные черты, которые присущи всему без исключения периоду монгольского владычества и которые с легкостью перейдут в более позднее время, претерпев незначительные изменения, эволюционировав и раскрывшихся на страницах текста XVI века.

В дальнейшем мы часто будем говорить о том, что категории, которые определяют и раскрывают суть международных отношений Московского царства присущи межличностным отношениям: категории любви, дружбы, братства. Этот факт, как и тот, что единственным актором международных отношений средневековой Руси выступала

одна личность в лице князя говорят нам, что международные отношения были персонифицированы, то есть сводились к межличностным отношениям персон, князей, друг с другом, а так же князей с монгольским ханом. От эмоционально-психологического фона личных отношений князей или князя и хана зависели судьбы десятков тысяч людей и крупных княжеств. Князь лично навещал хана или его наместника, платил выход или заключал политический союз и т.д. Во многом именно этим объяснялось то, что каждый властвующий князь, независимо от родства, обязан был навещать хана. Подробно вопрос о межличностных связях князей и отношениях их с ханами был рассмотрен в работе Ю. Селезнёва.[17]

Следующей отличительной чертой международных отношений монгольского периода, перешедшей в более позднее время, является, безусловно, религиозная парадигма, в которой рассуждали все умы древнерусского и московского государств. Возникнув в летописных сводах XI века, религиозный пафос повествования разовьется до целого дискурса внешней политики. Религиозная парадигма породит одну очень специфическую особенность понимания внешней политики Руси монгольского периода: политика не воспринималась, как замечают и Ч. Гальперин, и М. Чернявский, как зависимая от монголов. Так, Ч. Гальперин подчеркивает, что за всё время описания монголов в источниках, относящихся именно к периоду монгольского владычества ни разу не говорится о лишении Руси политического суверенитета. Естественно, ни о каком «иге» и речи не шло: факт, повторяющийся в работах Ч. Гальперина[2; С. 198] и Д. Голдфранка[27; С. 124], — впервые слово «иго» употреблено в работе «Казанская История», посвященная покорению Казани (1562) Иваном Грозным. Мы имеем лингвистическую замену политического на религиозное. Монголы представлены, как язычники, «поганые», варвары, враги веры и религиозные притеснители, но никак не ликвидаторы политического суверенитета. Также стоит отметить, что прецедента политической зависимости в то время у летописцев не существовало, и объяснить сами себе, что они покорены и лишены политической независимости,

книжники не могли. Итак, мы заметили две особенности, формирующихся уже на стадии монгольского периода международных отношений: персонификация международных отношений, а так же полное доминирование религиозной парадигмы в международных отношениях.

На основании этих двух черт возникает третья, возможно самая сложная, но тем не менее, необходимая для понимания всей дальнейшей традиции международных отношений Московского царства - легитимизация международных отношений. От первой черты легитимизация международных отношений берет безусловно фигуру князя - его фигура постепенно, из юридически зависимого (для самих князей был не секрет, что они всего лишь наместники, но не правители Руси - верховным главой Руси был хан из династии Чингизидов) превращается в легитимного правителя государства Русь. И связано это с внутривосточной ситуацией Орды. Дело в том, что сама династия Чингизов политически вырождалась и приходила к своему упадку. Во главе Орды всё чаще становились эмиры, или воеводы, борющиеся за власть внутри Империи. Тогда как в Орде всё чаще «безродные» брали на себя бразды правления, традиция династизма Рюриковичей строго соблюдалась: Рюриковичи глубоко чтили династию Чингизидов, которые по Божьей воле стали во главе Руси, и митрополиты часто ставили свечи и молились за «царей поганых». Но после того, как постепенно на престоле воцарялись безродные эмиры, Рюриковичи воспринимали их как оккупантов престола и боролись за возрождение династического *status quo*. Если «возрождения» не получалось, то по правилам преемственности следующим после Чингизида легитимность в глазах Бога получал Рюрикович и становился полноправным защитником своего княжества от безродных претендентов на трон. Защищая таким образом легитимность Чингизидов, Рюриковичи приобрели свою. Чтобы проследить, как зарождается легитимизация международных отношений в монгольский период, обратимся к ключевым эпизодам истории борьбы русских князей с безродными эмирами: Мамаем в 1380 г. и Ахматом в 1480 г.

В работах, Тихомирова[18], Ч.Гальперина[2] приводятся подробные анализы письменных источников, относящихся к периоду Куликовской битвы: Троицкая летопись, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». Относительно этих источников стоит отметить важный и сквозной лейтмотив, проходящий красной нитью через весь корпус литературы: речь идёт об обвинении Мамаю в узурпаторстве власти. Мамай «мнев себе аки царя»[11; С.44]. Комментируя этот отрывок Ч. Гальперин замечает: «С точки зрения редактора, Дмитрий Донской, по крайней мере, частично борется с Мамаем во имя Чингизидской законности, и Москва - plus royaliste que le roi - следует монгольской династической последовательности». «Сказание» имеет схожий эпизод, где отчетливо звучит подобный мотив: «Что же это ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? Ведь побил тебя орда Залесская. А не бывать тебе Батыем царем»[11; С.14]. Относительно периода освобождения Руси от монгольского владычества, периоду стояния на реке Угре 1480г. примечательно «Послание на Угру» архиепископа Вассиана. Именно Вассиан открыто заявляет царю Ивану о том, что Ахмат - это простой самозванец, не-Чингизид, но Иван, Рюрикович, отныне становится истинным «царём» . Чернявский так комментирует этот документ: «Архиепископ пытается разрушить образ царя-хана прославлением образа царя-басилевса: отныне лишь одному царю вверено править - православному христианину».[26; С. 474]. Вне зависимости от того, какой бы источник мы не привели к данной тематике: две идейные составляющие, которые будут определять легитимизм внешней политики Руси, не нарушены нигде: а) не-Чингизиды низведены до уровня посягателей на легитимную власть, что дало право русским князьям от лица легитимной власти (за неимением Чингизидов) бороться с ними; б) источники устраняют всякое упоминание - описание сюзеренных русско-татарских отношений. Итак, мы попытались указать истоки, когда зарождалась традиция ведения внешней политики и охарактеризовать её на первых порах: эта традиция персонифицирует политику, ибо субъектом международных отношений выступали конкретные личности; далее, эта

традиция выстраивается исключительно в религиозном дискурсе и она полностью легитимна в глазах Бога, то есть праведна и справедлива.

Теперь перейдем к описанию категориального круга, определяющего эту традицию. Изучению категорий политического средневековой Руси посвящен обширный корпус литературы [см. подробнее по теме: 4; 9; 10; 12; 17; 18; 19; 20; 21; 26; 28]. Наиболее полно описывает этот вопрос А.И. Филюшкин в своих трудах [19; 20; 21].

Во многом оттого, что политика внешних сношений средневековой Руси персонифицирована, то есть лично определена, так как личность (чаще: князь) была субъектом международных отношений, её категориальный аппарат будет соотнесен с межличностными отношениями: любовь, дружба, братство. А.И. Филюшкин также замечает, что подобные категории, (каждой из которых есть своя негативная пара: нелюбие, недружба, небратство) вполне соответствуют категориям христианской этики - религиозной парадигме, что, по мнению другого ученого, Хасельдайна [28; С. 77], типично для всего Средневековья. Филюшкин, характеризуя эти категории, говорит что за каждой из них предполагались конкретные действия государства или форма международных отношений. Любовь предполагала тесный политический союз, который мог быть направлен против третьей державы. Посол Ф. Писемский, например, говорил, что Иван Грозный хотел предложить Дании перейти от «приятельского союза» к «любви союзной» против Ливонии [19; С.102]. Более низкую ступень занимало братство, предполагающее а) союзничество, совместное ведение внешней политики, б) свободные торгово-экономические отношения. Дружба схожа с категорией братства - от свободных экономических отношений до совместной борьбы с неприятелем. «Быть на недругов за один». Но помимо отношений союзных, мирных были и враждебные отношения - войне соответствовало нелюбие.

Отдельно стоит сказать про такую значимую категорию, как предательство, измена. Ей объяснялись практически все внешнеполитические военные акции Ивана Грозного: покорение Казанского ханства, Астраханского, завоевания в Ливонии. Везде

Московское царство ставило своих марионеточных правителей, конкурирующий нобилитет свергал их, за что объявлялся изменившим как Москве, так и народу. Иногда акции свершались и против народа: «Московский государь сажает на престол в чужой земле правителя по челобитью этой земли, зловерное население изменяет и свергает наместника, и Бог карает эту землю «за её неправды» государевым походом»[19; С. 113]. Возмездие придавался богоугодный характер, он полностью легитимизировался в глазах Бога. А.И. Филюшкин упоминает один эпизод, когда русские воины чувствовали себя в Ливонии творящими «Божий суд по «правде» своего государя». Это наталкивает нас на следующий вывод о традиции ведения внешней политики Московского царства, состоящий из двух элементов: во-первых, «политика» внешняя и шире - политика как таковая - не могла иметь правовой базы, потому что определялась категориями межличностного характера, категориями христианской этики; во-вторых, политика никогда не воспринималась и не признавалась экспансионистской. «Божей милостью царю и великому князю всея Руси, Жигимонту королю чего поступатися? З Божиею волею, города и земли государь наш держит за собой свою отчину, а Жигимонт король города и земли русские и ныне дръжит за собою государя нашего отчину»[15]. Вектор политики, в понимании умов XVIв., движется не в прямом направлении - за - , но в обратном - во. Иван Грозный не за-хватывал, за-воевывал новые территории, но воз- вращал, вос-станавливал ранее утраченные земли Зарубежной Руси[подробнее по теме см: 24; С. 86]. «Одна и та же причина - объединение Великороссии - сделала московскую верховную власть менее уступчивой»[7; С. 204]. Московское царство словно вновь пыталась собрать свое разрозненное историческое тело, члены которой были под властью европейских монархов. Это ключевой момент нашего вопроса, который невозможно обойти.

Мы говорили, что осознание политики в средневековой Руси, те характерные её черты, категориальный аппарат, который использовался при её ведении, а также морально-этический, а не политический базис, - всё это не позволяет назвать «политику» того

времени политикой как таковой[подробнее по теме см: 9; С. 2], соответственно, к той «политике» неприменимы (мы ведем речь исключительно о внешней политике) те категории и термины, которые применяются к внешней политике нового времени . Обозначенный категориальный круг «политики» XVI в. не просто набор часто употребляемых сегодня слов - он обозначал совершенно иной, «тот» уникальный круг символов, несших для людей Средневековья и Раннего Нового времени «тот» смысл, обозначающий совершенно иное понимание «политики», несмотря и на то, что эти категории традиционно обозначают друзей и врагов государства, что, по мнению К. Шмитта, есть и начало политического. Слова, как доказывал своими трудами М. Хайдеггер, и есть ключ к скрытому бытию , всегда скрывающемуся от нас за смыслом, который придаём ему мы.

Самой яркой иллюстрацией смыслового наложения нашего «понимания» Истины на «ту» Истину внешней политики: вопрос о причинах Ливонской войны. Мнение, что Иван Грозный воевал за выход к Балтийскому морю, поддерживается целой плеядой разных школ великих историков, от Н.М. Карамзина, М.М. Щербатова, М.С. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, до исследователей современных международных отношений, скажем, А.Г. Дугина[6]: «На западном направлении все обстояло намного более проблематично. В 1558-1583 годах велась изнурительная Ливонская война за выход к Балтийскому морю, которая больших успехов не принесла». Парадоксальность заключается в том, что выход к Балтийскому морю, побережье Финского залива, был еще у великих князей, и при Иване Грозном он составлял следующие города-укрепления: Ладога, Ямгород, Орешек, Копорье, Ивангород. Получается, вопрос территориального характера, если не отпадает (многие склонны настаивать на этой точке зрения), то теряет своё главенствующее значение. Историки и исследователи международных отношений Новейшего времени склонны вульгаризировать и упрощать вопросы ведения внешней политики в Средневековье, отталкиваясь не от источников, но от собственных «геополитических» умозрительных конструкций, часто

противоречащих действительности. Безусловно, сугубо политический прагматизм присутствует в дипломатических документах того времени, и дипломаты нередко пользовались принципами целесообразности, но осознание того, что царь всея Руси восстанавливает историческую справедливость, собирая земли, основанные Рюриковичами и в разное время утраченные в результате войн или соглашений - оставалось неизменным.

Подводя итог беглому анализу, возможно, самой непростой проблематики исторической онтологии, мы должны еще раз постараться на основе полученных характеристик традиции ведения внешней политики Руси Раннего Нового времени, выстроить полученную картину, с большой долей вероятности ошибочную, потому что понять и открыть для себя ход мыслей людей далекого от нас века - скорее всего, перспектива несбыточная. Политика Московского царства понималась сакрально и выстраивалась в религиозном дискурсе, традиция которого берет своё начало еще в средневековый монгольский период. Религиозное понимание само собой исключает политическое, что наглядно видно из того факта, что ни в каком источнике монгольского периода не указывается о политическом сюзеренстве русско-татарских отношений, или лишении политического суверенитета русских. Политика внешних сношений княжеств была в ведении одного князя, который был (практически всегда, исключением были некоторые митрополиты) единственным актором международных отношений, и оттого политика стала еще с тех времен, когда князь лично ездил верхом в улус хана [подробнее по теме см.: 17; С. 155], персонифицированной, а её категории определялись а) межличностными отношениями и б) морально-этическими, христианскими нормами. Постепенная трансформация политического режима Золотой Орды позволила династии Рюриковичей выступить против узурпаторов режима, что позволило им, как поборникам династической преемственности [подробнее по теме см.: 2; С. 208. 17; С. 67], легитимизировать свои действия как с преемственной точки зрения, так и с религиозной - в глазах Бога. Этот круг отличительных

черт порождает идейный вектор ведения международных отношений: мир для государя всегда определялся категориями любви, дружбы или братства - война же - нелюбьем, изменой. Война никогда не понималась как экспансионистской, ради прямого за-хвата, - за-воевания. Она либо оборонительная, упреждающая, против мусульман-«басурменов», язычников, «папистов», либо же - возмездие Бога (Московский царь есть прямой наместник Бога на земле, действия которого - легитимны в Божьих глазах) за измену царю.

Библиографический список

1. Вернадский Г. Монголы и Русь / Г. Вернадский.- М.: Ломоносовъ, 2014. - 512с.
2. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России / Пер. М.Е. Копылова; под ред. Ю.В. Селезнёва.- Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2012. - 230 с.
3. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.-М.; Л.: АН СССР, 1950. - 502 с.
4. Дугин. А.Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки) / А.Г. Дугин.- М.: Академический Проект, 2013. - 515 с.
5. Дугин А.Г. Международные отношения (парадигмы, теория, социология): Учебное пособие для вузов / А.Г. Дугин. - М.: Академический проект, 2014. - 431 с.
6. Дугин А.Г. Геополитика России. Учебное пособие / А. Г. Дугин — (<http://4pt.su/ru/content/geopolitika-rossii-uchebnoe-posobie-2012>)
7. Ключевский В.О. Русская история / В. О. Кривичский.– М.: Эксмо, 2012.– 912 с.
8. Карамзин Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин.–М.: Эксмо, 2002.- 1021 с.
9. Кром М.М. Была ли политика в России XVI в. ? // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005.
10. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 196 с.
11. Повести о Куликовской битве. - М.: АН СССР, 1959. - 512 с.
12. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI - начало XX века.- М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. - 440 с.
13. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов.— М.: Астрель, 2006. — 703 с.
14. Платон. Избранные Диалоги / Пер. С.К. Апта.- М.: Эксмо, 2013. - 786 с.

15. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. - СПб., 1867-1916. - 148 т.-URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/10296-t-35-1882#page/761/mode/inspect/zoom/4>
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времён Кн.3: История России с древнейших времен. Т.5–6 / Отв.ред.: Иванов Н.А. — М.: Голос, 1993. — 758 с.
17. Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XII-XV веках / Ю.В. Селезнёв.- Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. - 472 с.
18. Тихомиров М.Н. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской. // Древняя Русь. М., 1955
19. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А.И. Филюшкин.- СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. - 880 с.
20. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
21. Филюшкин А. И. Проект «Русская Ливония» / А. И. Филюшкин // Quaestio Rossica. — 2014. — № 2. — С. 94-111.
22. Формирование территории Российского государства. XVI - начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М.: Институт российской истории РАН; русский фонд содействия образованию и науке, 2015. - 264 с.
23. Хайдеггер М. Парменид / Пер. А.П. Шурбелова.- СПб.: Владимир Даль, 2009. 382 с.
24. Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Том II / Е.Ф. Шмурло.- СПб.: Алетейя, 1999. 438 с.
25. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. – СПб., 1903 Т. V. 830 с.
26. Chernyavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory.- URL: https://www.jstor.org/stable/2707886?seq=1#page_scan_tab_contents
27. David Goldfrank. Muscovy and the Mongols: What's What and Whats maybe // Kritika. 2000. - Vol. 1, N 2, Spring. - P. 134
28. Haseldine J. Friendship in Medieval Europe.- URL: <http://amityjournal.leeds.ac.uk/files/2013/11/AmityjournalfirstissueJH28.09.13FINAL.pdf>

Политика Александра III в отношении Германии

В статье исследуются политика Александра III в отношении Германии. Предпринята попытка доказать, что император, недолюбливая немцев, в угоду государственным интересам стремился поддерживать доброжелательный диалог между Петербургом и Берлином.

Ключевые слова: Российская империя, Александр III, Германия, Бисмарк, Союз трех императоров.

The article deals with Alexander III's policy on Germany. An attempt is made to prove that the emperor disliking the Germans sought to maintain a friendly dialogue between St. Petersburg and Berlin for the sake of the public interest.

Key words: Russian Empire, Alexander III, Germany, Bismarck, Three Emperors' League.

Когда в России в 1881 году неожиданно для себя на престол вступил Александр III, стало понятно, что вектор внешней политики России и сам ее характер изменится. Наиболее «русский» из всех императоров, он предпочитал осторожную дипломатию, сторонился радикальных панславистов и милитаристов, призывавших к активному военному вмешательству в международные конфликты. Царь не верил в существование дружбы в международных отношениях на уровне государств. Отсюда его знаменитая фраза: «У России есть только два надежных союзника – это ее армия и флот». В этом отношении позиция Александра III сближалась с точкой зрения германского канцлера Бисмарка. Последний доказывал: «Единственная здоровая основа великого государства есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дело, не касающееся ее собственного интереса» [3; с. 216].

Александр III был известен антипатией к немцам, которую он сохранял на протяжении всей своей жизни. Возможно, на это обстоятельство повлияли события юности императора, который не раз бывал на родине своей будущей супруги в Копенгагене. В Дании же

после поражения в войне против Австрии и Пруссии за Шлезвиг и Гольштейн в 1864 году царил атмосфера ненависти к немцам. Исследователь О. Барковец пишет: «Александр III с недоверием относился к немцам. Эта неприязнь значительно усилилась под влиянием Марии Федоровны, с детства усвоившей традиционную неприязнь датчан ко всему германскому» [2; с. 171]. К тому же царь, воспринимавший себя правителем великой державы, считал, что германское руководство слишком заносчиво ведет себя, позволяя зачастую диктовать Петербургу линию поведения во внешней политике. По мнению Александра III подобное было недопустимо. Однако, реально оценивая международное положение России, он понимал, что вверенная ему богом держава не должна самоизолироваться, поэтому надо налаживать отношения с теми зарубежными политиками, которые находятся у власти в данный момент. Сходных позиций придерживался и сменивший Горчакова на посту министра иностранных дел Н. К. Гирс. Он говорил о германском канцлере: «Бисмарк я вовсе не считаю образцом чистоты и невинности, но, тем не менее, когда для наших интересов нужно и полезно иметь с ним дело, то лучше не ссориться, а видеть его таким, каков он есть, и стараться достигнуть наших целей» [9; с. 181].

Германия с 1879 года взяла твердый курс на сближение с Австро-Венгрией, несмотря на сопротивление императора Вильгельма I. Он не желал ссоры с Россией, однако Бисмарку и его помощникам удалось уговорить престарелого императора на подписание секретного соглашения с австрийцами. Согласно ему обе страны обязались прийти на помощь друг другу в случае войны с Россией. Германский историк Г. Хальгартен оценивал подписание договора как символ поражения старопрусского консерватизма и, в некотором смысле, самого «железного канцлера». Он писал: «И хотя Бисмарк со времени примечательного обмена письмами с генералом Леопольдом фон Герлахом считал себя свободным от симпатий к тому или иному соседнему государству, все же в отношениях с Россией традиционные консервативно-легитимистские идеи оказывали, видимо, гораздо

большее влияние, чем он хотел бы признать наедине сам с собой» [15, с. 64].

Перед российской империей в связи с германо-австрийским сближением остро встал вопрос о необходимости поиска новых союзников в Европе. Среди «великих держав» остались Англия и Франция. С первой у России было много неразрешимых противоречий, многие из которых длились не одно десятилетие. Противостояние в Центральной Азии, борьба за сферы влияния на Балканах, постоянное опасение того, что Россия перейдет через Гималаи и вторгнется в «жемчужину Британской империи» – Индию, – все это создавало напряженность в российско-британских отношениях. Вкупе с военным столкновением в годы Крымской войны 1853-1856 гг. и враждебной позицией Лондона во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., это делало маловероятным союз между Петербургом и Лондоном.

Первое известие об убийстве Александра II в Берлине получили вместе с письмом Н. К. Гирса от 3 марта 1881 г. Министр иностранных дел, исполняя приказ нового императора, через нового посла в Берлине П.А. Сабурова доводил до кайзера Вильгельма I и его канцлера, что посвященный отцом во все переговоры с германским руководством, Александр III целиком принимает принципы и цели переговоров не просто как священный завет, но и как результат личных убеждений. Н. К. Министр в инструкции послу указывал: «Вы, таким образом, можете ободрить Бисмарка и заверить его, что все то, что было одобрено покойным императором, разделяется целиком и в полном объеме его величеством» [13; с. 197].

Однако Александру III не импонировала идея союза с Австро-Венгрией. Он охотнее согласился бы на двусторонний союз с Германией. В Берлине же не хотели осложнять отношения со своим стратегическим партнером. Таким образом, речь вновь шла о возвращении к Союзу трех императоров, продление которого сроком на три года состоялось 6 июня 1881 года. Страны-участницы договаривались, что в случае войны одной из них с Турцией, две другие будут сохранять нейтралитет и строго соблюдать принцип закрытия проливов Босфор и Дарданеллы.

Российский посол в Берлине П. А. Сабуров возлагал большие надежды на этот союз. Но его точка зрения расходилась с мнением императора. Будучи в декабре 1881 года в Петербурге, Сабуров составил Александру III докладную записку, оставшуюся, впрочем, без ответа. В ней содержалось несколько вариантов решения балканского вопроса. Самый старый из них – раздел Турции между Россией и Австрией. Второй способ – это освобождение всех славянских племен на Балканах и соединение их в единую федерацию. Однако эти способы не удовлетворяли Александра III. В подкрепление своей позиции посол в Берлине ссылается на точку зрения германского канцлера и пишет: «Бисмарк думает, что было бы возможным удовлетворить Россию и Австрию проведением демаркационной черты, начиная от Дуная и кончая у Эгейского моря так, чтобы каждая из сказанных двух держав могла свободно действовать в предоставленной ей половине» [13, с. 212]. Александр III в ответ резюмировал: «Этого допустить мы не можем» [13, с. 212].

Первое испытание на крепость обновленный Союз трех императоров получил в связи с восстанием в январе 1882 года в Боснии и Герцеговине. В разрешение этого конфликта были вовлечены Россия, Австро-Венгрия, Германия и Черногория. Петербургский кабинет рассчитывал, что Вена сможет успокоить восставших, и российским дипломатам не придется поддерживать черногорского князя Николу в его требовании компенсации за возможную аннексию Австро-Венгрией части Боснии и Герцеговины. Восстание было подавлено в апреле 1882 года, однако аннексии не последовало. Оно повлекло за собой крах Союза трех императоров. Все попытки Бисмарка примирить Вену и Петербург оказались безуспешными.

Александр III после этих событий снова засомневался в целесообразности союза с Берлином. В инструкции П. А. Сабурову он приказывал: «Воздержитесь от каких-либо переговоров с Бисмарком о возобновлении нашего трактата» [13, с. 243]. Между осторожным Н. К. Гирсом и настаивавшем на сближении с Германией П. А.

Сабуровым шла борьба за влияние на царя. В итоге, посол в Берлине был снят со своего поста.

Тем не менее, 15 марта 1884 г. в германской столице был подписан протокол о продлении Союза трех императоров. Этому предшествовала встреча трех императоров в Скерневицах. По свидетельству близкого ко двору князя В. П. Мещерского, Вильгельм I, вместо того, чтобы отправить Бисмарка в отставку за разжигание конфликтов между Россией и Германией, наградил канцлера орденом «pour le merite» («за заслуги») и произнес в его адрес следующие слова: «Я так хорошо знаю в Вас сердце и дух солдата, что надеюсь доставить вам радость орденом, который с гордостью носили многие из ваших предков; самому себе я доставляю успокоение – пожаловать человеку, который милостевой волею Бога дан мне в помощники и так много сделал для отечества, вполне заслуженный знак признательности!» [11, с. 685]. В 1885 году Союз трех императоров помог России в противостоянии с Англией.

Во время Болгарского кризиса (1886 г.) между Россией и Германией вновь началась «газетная война». Во многом ее причины были обусловлены тем, что в Берлине и Петербурге поддерживали разных претендентов на болгарский трон. Итоговое избрание королем ставленника Австрии и Германии Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, вошедшего в историю под именем Фердинанда I, стало дипломатической неудачей для России, лишившейся важного опорного пункта на Балканах. Известный историк А. А. Корнилов, тем не менее, усмотрел в данной ситуации и положительный момент. Он писал: «... Бисмарку все-таки не удалось натолкнуть Россию на более деятельное вмешательство в балканские дела, что и вызвало бы войну России с Австрией, а может быть, и окончательную порчу наших отношений со всей Европой» [8; с. 415].

Сложившиеся напряженные отношения между Веной и Санкт-Петербургом привели к тому, что в Берлине пришли к выводу о необходимости заключения отдельных двухсторонних договоров с ними. К тому же Болгарский кризис испортил и без того непростые российско-

германские отношения. Для их нормализации в начале января 1887 года в Германию был отправлен друг Бисмарка П. А. Шувалов. Он предложил «железному канцлеру» сделку: российский нейтралитет во время войны Германии с Францией в обмен на признание исключительного права России на влияние в Болгарии и нейтралитет в случае захвата Россией проливов Босфор и Дарданеллы. Немецкую сторону удовлетворили подобные условия, но в Петербурге не подтвердили официально предложения Шувалова. Бисмарк, пытаясь вернуть доверие российских партнеров, показал послу в Берлине Павлу Андреевичу Шувалову, брату своего друга Петра Андреевича, текст австро-германского договора о союзе.

В итоге в июне 1887 г. между Россией и Германией был подписан договор, вошедший в историю под названием «договора перестраховки». Он обеспечивал обоим партнерам благожелательный нейтралитет другой стороны в случае нападения третьей страны.

Тем не менее, Бисмарку не удалось заключением секретного договора восстановить прежние доверительные отношения с Россией. К тому же финансовая политика германского правительства в 1887 году включала ряд антироссийских мер. В их числе: запрет правительственным учреждениям размещать ценные бумаги в России, повышение пошлин на русский хлеб, отказ в кредитах царскому правительству. Кроме того, к приезду в Берлин Александра III «железный канцлер» издал указ, запрещающий залог русских ценностей в Рейхсбанке. В ответ на это в 1887-1889 гг. первые русские займы были размещены во Франции.

Британский историк А. Дж. П. Тэйлор так оценивал попытку Германии и России «перезагрузить» двухсторонние отношения: «Договор «перестраховки» был обманом по отношению к русским, или, точнее, по отношению к Александру III, обманом, в котором приняли сознательное участие Гирс и братья Шуваловы. Поколением раньше к такому же обману прибегнул Наполеон III. Александр II был человек беспечный и мягкий; но, пожалуй, было ошибкой так шутить с

Александром III» [14; с. 335].

В 1888 году умер германский император Вильгельм I. Опасения возможных перемен во внешнеполитическом курсе Берлина стали причиной предупредительного демарша со стороны Александра III. В России с сожалением восприняли известие о его смерти. Газеты и журналы посвятили ряд панегириков усопшему кайзеру, журналисты не уставали восхвалять в них заслуги первого правителя единой Германии. По их мнению, основная заслуга Вильгельма I перед Германией заключается в том, что «он сумел выбрать для себя в руководители такую крупную личность, как Бисмарк, который, обладая недюжинными способностями, гибкой совестью и дьявольским самолюбием, сделался важным историческим оружием» [12; с. 205].

Парадокс заключался в том, что раздражение против Бисмарка из-за его позиции на Берлинском конгрессе 1878 года никогда не переносилось на особу его кайзера Вильгельма I. На это указывал, в частности, Н. И. Кареев [6; с. 406].

После недолгого правления Фридриха III, новым императором стал молодой и неуравновешенный Вильгельм II, мечтавший о мировом господстве. Узнав о существовании тайного договора «перестраховки», он разразился критикой в адрес «железного канцлера» за его якобы русофильскую политику. Кайзера раздражало стремление Бисмарка во что бы то ни стало сохранять мирные отношения с Россией. Последняя, по мнению Вильгельма II, готовилась в 1890-м году напасть на Германию. Доказательство этого кайзер усматривал в концентрации российских войск на западной границе. Отечественный ученый В. В. Чубинский доказывал: Бисмарк, напротив, «не верил, что Россия действительно собирается напасть на Австро-Венгрию, не считал Германию и ее союзницу готовыми к тому, чтобы взять на себя инициативу нападения, и старался по мере возможности сохранять с Россией более или менее нормальные отношения» [16; с. 381]. Все доводы опытного канцлера в миролюбивом курсе российской политики не убедили кайзера. Более того, разногласия по русскому вопросу стали одной из причин отставки Бисмарка со всех государственных постов в

1890 году. Это событие встревожило Александра III, который, хоть и недолюбливал «железного канцлера», но уважал его как умелого политика-практика, руководившего разными отраслями Германского рейха. В целом российская политическая и интеллектуальная элита, желавшая удаления Бисмарка с политического Олимпа, была шокирована способом, которым это было сделано. Показательна в этой связи фраза из либерального «Вестника Европы»: «Окончательное удаление князя Бисмарка с политической арены, которую он так долго занимал и отчасти наполнял своей личностью, совершилось гораздо скорее и совсем в иной форме, чем можно было думать до последнего времени» [4; с. 848].

Вильгельм II после этого заявил русскому послу, что «Договор о перестраховке» будет продлен, и даже предложил перенести переговоры в Петербург. Тем временем в Берлине шли совещания по вопросу о новом курсе внешней политики. Противники «русского» договора считали, что он может завести германо-австро-венгерские отношения в тупик или втянуть Берлин в русско-английский конфликт. В результате было принято решение отказаться от продолжения договора. Александр III жестко отреагировал на подобную позицию Вильгельма II: «Раз Германия не желает возобновить наше секретное соглашение, то достоинство наше не позволяет нам запрашивать, почему и отчего. Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо быть готовым ко всяким случайностям» [1; с. 400].

В первую очередь, обострились российско-германские противоречия в экономической сфере. Разный уровень промышленного развития обеих держав способствовал проникновению и внедрению германского капитала в Россию. Фирмы Второго рейха выкачивали из России необходимое сырье.

Министр иностранных дел Н. К. Гирс, не желавший расторжения союза с Германией, писал в конце 1891 года: «Оба правительства (России и Германии – И. А.) старались не смешивать торговые и политические отношения: политические отношения оставались вполне дружественными» [7; с. 219].

В 1893 г., в связи с повышением таможенных пошлин, между Германией и Россией вновь обострились противоречия. Однако взаимная выгода от экономических связей привела к заключению в 1894 году торгового договора, по которому Россия получала статус «наиболее благоприятствующей страны». Специальные ограничения на ввоз русского зерна были сняты; оно облагалось теми же пошлинами, что и зерно из других стран. Россия сделала уступки в сбыте продукции германской промышленности. Министр финансов С. Ю. Витте оценил договор так: «Можно безошибочно утверждать, что мы предоставили Германии отнюдь не более того, что сами от нее получили» [5; с. 243].

Договор 1894 года, увеличивавший вывоз хлеба из России в Германию, вызвал резкие нападки со стороны германских аграриев. Они считали слишком низкими немецкие пошлины, начали давить на свое правительство. Уже в мае того же года рейхстаг принял закон о «ввозных свидетельствах». Однако землевладельцы не были этим удовлетворены. Они снова потребовали двойного обложения русского хлеба и ликвидации принципа наибольшего благоприятствования. Германское руководство, со своей стороны, прекрасно понимало, что дешевле покупать зерно в России, нежели вкладывать огромные средства в восстановление и модернизацию собственной сельскохозяйственной инфраструктуры. Недовольные немецкие аграрии в 1893 году создали «Союз сельских хозяев». Его неофициальным председателем стал никто иной как Отто фон Бисмарк. Однако этому объединению не удалось оказать серьезного влияния на правительственный курс.

Политические и дипломатические связи между двумя странами в этот период оставляли желать лучшего и все больше напоминали скрытую конфронтацию. В феврале 1891 г. А. фон Вальдерзее был смещен с поста начальника Генерального штаба, его место занял граф А. фон Шлиффен. Он считал, что необходимо в случае начала военных действий в кратчайшие сроки разгромить Францию, ликвидировав, тем самым, угрозу войны на два фронта, а затем всей мощью обрушиться на Россию. Таким образом, он не рассматривал русских в качестве

потенциальных союзников. Подобный курс германской политики подталкивал Петербург к сближению с Парижем.

Однако одно обстоятельство сразу же отталкивало Александра III от возможного союза с Францией. Будучи убежденным монархистом, сторонником самодержавной власти, он с опасением и недоверием смотрел на республику, в которой часто не церемонились с королями, некоторые из которых окончили жизнь на гильотине. Тем не менее, государственные интересы требовали от императора принести в жертву собственные политические и мировоззренческие установки. Поэтому с 1887 г. отчетливо обозначилось взаимное желание России и Франции скрепить сотрудничество более тесными и определенными отношениями. В Париже в большей степени были заинтересованы в военном союзе, чем в Петербурге. Убеждая русских дипломатов в целесообразности договора, французская сторона старалась максимально использовать финансовую заинтересованность Петербурга в кредитах и займах.

Сдержанность русского правительства в значительной мере объяснялось тем, что еще не были преодолены колебания, сомнения в определении курса внешней политики. Александр III, будучи наследником, свыкся с мыслью, что в окружении царя всегда сохранялась группа сановников – поклонников кайзера, считавших союз двух монархий и двух династий исторической необходимостью для России (в те годы подобную точку зрения имели Н. К. Гирс и его помощник В. Н. Ламздорф).

С начала 1891 г. шли слухи о возобновлении на новый срок Тройственного союза. В этой ситуации царское правительство становилось более сговорчивым в переговорах с французским. 5 июля 1891 г. Н. К. Гирс принял французского посла в Петербурге А. де Лабуле, и во время беседы стороны пришли к решению о необходимости начать непосредственные переговоры о соглашении между двумя державами. А. де Лабуле писал в Париж: «Говоря о возобновлении Тройственного союза и присоединение к нему Англии, мы поставили перед собой вопрос, – не делает ли новая ситуация, созданная этим событием,

желательным новый шаг по пути к соглашению между Францией и Россией» [10; с. 505]. Тем самым в развитии франко-русских отношений наступал новый, важный этап, по итогам которого в 1892-1894 гг. был оформлен франко-русский союз.

Таким образом, политика Александра III в отношении Германии не была изначально враждебна, несмотря на неприязнь царя к немцам. Он умел разграничивать личные симпатии и антипатии и государственные интересы. Поэтому, когда России был стратегически необходим союз с Германией, Александр III заключал его. Однако в случае невыгодности соглашения, он без всяких угрызений совести шел на конфронтацию с руководством Второго рейха. Думается, подобная позиция российского императора напоминала в некотором роде знаменитый «культуркампф» Бисмарка, заключавшийся в исключительном следовании национальным интересам в международных отношениях.

Библиографический список

1. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи 1801 – 1914 / О. Р. Айрапетов. – М.: Европа, 2006. – 671 с.
2. Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III: Очерки о жизни, любви и смерти / О. Барковец, А. Крылов-Толстикевич. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 272.
3. Бисмарк О. фон. Мир на грани войны: что ждет Европу и Россию? / О. фон Бисмарк. – М.: Алгоритм, 2014. – 240 с.
4. Иностранное обозрение. // Вестник Европы. – 1890. – № 4. – С. 848-862.
5. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века): Учебное пособие / Н. П. Ионичев. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 399 с.
6. Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. VI. Ч. II (1880-1900 годы) / Н. И. Кареев. – С.-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1910. – 630 с.
7. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века / Н. С. Киняпина. – М.: Высшая школа, 1974. – 280 с.
8. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. – М.: «Высшая школа», 1993. – 447 с.
9. Ламздорф В. Н. Дневник 1886-1890 / В. Н. Ламздорф. – Мн.: Харвест, 2003. – 400 с.
10. Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871 - 1891 годов / Манфред А. З. – М., 1952. – 590 с.
11. Мещерский В. П. Воспоминания / В. П. Мещерский. – М.: Захаров, 2003. – 864 с.

12. Обзор заграничной жизни // Новое слово. – 1894. – № 7. – С. 205-207.
13. Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза / Сказкин С. Д. – М., 1974. – 271 с.
14. Тэйлор А. Дж. П. / А. Дж. П. Тейлор. – М.: изд-во иностранной литературы, 1958. – 643 с.
15. Хальгартен Г. Имериализм до 1914 года / Г. Хальгартен. – М.: изд-во иностранной литературы, 1961. – 696 с.
16. Чубинский В. В. Бисмарк: политическая биография / В. В. Чубинский. – М.: Мысль, 1988 – 414 с.

Изобретение национальных традиций: интеллектуальные тактики и стратегии локализации архаичной культуры в современной идентичности (фольклор и литература в чувашском национализме, 1960 – 1970-е гг.)

Автор анализирует проблемы истории чувашского интеллектуального сообщества в период 1960 – 1970-х годов. Автор полагает, что интеллектуальные стратегии и практики чувашских писателей вели к трансформации архаичных коллективных народных представлений в новые изобретаемые традиции чувашской нации.

Ключевые слова: Чувашия, идентичность, национализм, изобретенные традиции

The author analyzes the problems of a history of Chuvash intellectual community in the period of the 1960s and the 1970s. The author believes that intellectual policies and practices of Chuvash writers led to transformations of archaic folk collective representations in the new invented traditions of Chuvash nation.

Keywords: Chuvashia, identity, nationalism, invented traditions

В 1960 – 1970-е годы в истории чувашского национального движения наступил новый этап, связанный с тем, что чувашские писатели включились в процесс выработки национального канона. Большинство культурных стратегий и практик, которые использовались чувашскими интеллектуалами, содействовало формированию новых изобретаемых традиций [3]. С другой стороны, среди чувашских писателей, как кодификаторов идентичности, наметились тенденции к формированию двух течений. Представители первого были лояльны властям, второго – пытались выразить национальные идеи. На протяжении длительного времени репутацию вполне благонадежного писателя имел и Мишши Юхма. В 1962 году Мишши Юхма, по его собственным словам, предпринял попытку опубликовать чувашские легенды и мифы, что встретило неприятие со стороны советской цензуры [8]. В 1996 году Мишши Юхма вспоминал, что в 1962 году он пытался предложить текст мифов, различным советским издательствам, начиная от Чувашского книжного издательства и заканчивая столичными

издательствами в Москве: «...я решил показать эту рукопись в Чувашском книжном издательстве, там сказали: "...Великая вещь, но нас не поймут, скажут, что мы националисты...". Тогда оставался единственный путь – в Чувашский обком КПСС... там сказали: "Вы воспеаете буржуазный национализм. Ваши герои – буржуазные герои, чуждые нам... им место – на свалке истории. Более нигде не заикайтесь об этой рукописи"...» [9, с. 3].

По воспоминаниям М. Юхмы 1996 года, в первой половине 1960-х годов эту книгу не оказалось возможным опубликовать и в московских издательствах, которые отказали в виду несоответствия тематики издательским планам. К тому времени в СССР в целом и в РСФСР в частности в значительной степени активизировалось движение русских националистов [1; 2; 4; 5], которые отрицательно воспринимали практику публикации местных авторов союзными издателями. Комментируя особенности ситуации, исследователь русского национализма в РСФСР Н. Митрохин, подчеркивает, что «большое недовольство членов "русской партии" вызывала имевшая политическую подоплеку практика государственного поощрения издания литературы, созданной представителями небольших этносов» [7, с. 391 – 392]. Вероятно, невозможно определить причины отказа в издании рукописи Мишши Юхмы в 1960-е годы. Нельзя исключать того, что чувашские идеологии из местного обкома КПСС уловили в тексте элементы «буржуазного национализма», а московские издательства руководствовались не только тематическими требованиями, но и пребывали под влиянием со стороны русских националистов, которые в значительной степени негативно относились к публикациям переводной литературы с языка народов СССР и РСФСР.

Текст Мишши Юхмы, явно не вписывался в официальный советский идеологический канон, пребывая за пределами официального, точнее – официально допустимого, политического, культурного и интеллектуального дискурса. Основными лейтмотивами текста М. Юхмы были поиск великих предков, описание славного прошлого и древней чувашской истории, написанный М. Юхмой в первой половине 1960-х

годов, близок к этноцентристским интерпретациям прошлого. Комментируя подобную функцию национализма К. Калхун, констатирует, что «особые националистические идентичности и проекты продолжают опираться на давние этнические идентичности, на местные родственные и общинные отношения и на заявленную связь с наследуемыми территориями» [6, с. 73].

Среди героев книги, написанной Мишши Юхмой в начале 1960-х годов, дохристианские языческие чувашские боги. Сама книга открывается разделом, посвященным созданию Вселенной верховным богом Тангаром (Танкӑр) [9, с. 5], где возникновение мира представляется интегрированным в структуру традиционного чувашского самосознания. В книге М. Юхмы вселенная предстает не как абстрактная Вселенная, но как именно чувашская Сюттенче [9, с. 9]. Герои книги – Ама (единое начало), Пурнась («сущность и жизнь»), Хевель (владыка Сюттенче), Пюлехсе (Пӱлӗхсӗ, «златовласая богиня»), Киремет (призванный «делить счастье между людьми»), Хайпюрень (Хайпӱрен, «дарующая жизнь»), Килежю (Килӗшӱ, «богиня мира и добрососедства»), Харбан (Хӑрпан, «крылатый вестник»), Хунхасьси (Хунхӑсси, «остроглазый великий бог»), Ламан («величайший герой древней Чувашии» [9, с. 9, 11, 20, 22 – 23, 28, 33, 40, 139]) – явно не вписывались в ту систему идеологических координат, в соответствии с которыми развивалось советское общество 1960-х годов. Некоторые мифические страны так же могли вызвать у читателей недвусмысленные ассоциации, связанные с недавним (для 1960-х годов) прошлым, например – Тамак – «...страна, где царствует вечная печаль, страдание, бесплодные труды и горе... Тамак – это порождение великой злобы, великой ярости, плод необычайного желания мстить...» [9, с. 25]. С другой стороны, в тексте присутствуют и вполне аттрактивные образы, связанные с древней чувашской историей, в частности – город Болгар (Булгар), который, по мнению М. Юхмы, был «любим всеми чувашами» [9, с. 135]. Кроме этого текст Мишши Юхмы отличается явным чувашецентризмом: боги – именно чувашские боги, а мифические герои

– именно чувашские герои, которые озабочены тем, как «сделать чувашей счастливыми» [9, с. 136].

В тексте, написанном в первой половине 1960-х годов, который так и не был опубликован, Мишши Юхма предпринял попытку предложить взгляд на мир с чувашских этноцентристских позиций, что ставило под сомнение приоритет идеологических ценностей и принципов пролетарского интернационализма и дружбы народов. В ситуации 1960-х годов, когда советские элиты начали использовать принципы интернационализма как мягкой версии русификации и ассимиляции, текст, представлявший мифологизированную перцепцию национального прошлого, должен быть стать альтернативой денационализированным и идеологизированным версиям истории Чувашии. Текст, написанный Мишши Юхмой, вероятно, представляет собой классический пример национального (националистического) воображения, сознательной попытки конструирования идентичности в ее примордиальном варианте, основанном не на модерном политическом опыте, а на внеисторичности и, как следствие, вневременности чувашской нации. В условиях монополии историков, объединенных вокруг НИИ при СМ Чувашской АССР и Чувашского государственного университета, в контексте почти полного отсутствия популярной и научно-популярной литературы по чувашской истории, мифологизированная версия национального прошлого, своеобразная национальна праистория могла составить серьезную конкуренцию официальным интерпретациям прошлого.

Во второй половине 1970-х годов Мишши Юхма смог издать чувашские легенды, но в значительно переработанном виде. В публикации 1977 года, вышедшей в издательстве «Советская Россия» в Москве, которое за несколько лет до этого отвергло книгу М. Юхмы о чувашской мифологии, речь шла не о богах, но о мифических народных героях, стратегии поведения которых вполне вписывались в классово и социально маркированный контекст официальной советской идеологии. Издание 1977 года открывалось предисловием известного чувашского педагога Г. Волкова. В небольшом введении дважды упоминался В.И. Ленин (например, в контексте прогрессивного влияния русских на

чувашей: «одним из первых собирателей чувашского фольклора был Никифор Охотников, человек, имя которого неразрывно связано с семьей Ульяновых... Ленин, гимназист, занимался с ним, готовил в университет... чувашскому парню хотелось хоть чем-нибудь оплатить за добро. В перерывах между занятиями он рассказывал Ильичу старинные предания, пел песни...»), а особое внимание акцентировалось на «дружбе с русскими соседями» [10, с. 5 – 6].

Чувашский национализм выполнял три принципиально важные для чувашских националистов-интеллектуалов функции. Национализм функционировал как дискурс. Комментируя эту особенность национализма, К. Калхун пишет, что «производство культурного понимания и риторики ведет к тому, что люди во всем мире мыслят и выражают свои устремления с точки зрения нации и национальной идентичности» [Калхун: 2006, 32]. Чувашский национализм существовал как проект. В американской политологии существует точка зрения, согласно которой «социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями» [6, с. 33]. Чувашский национализм был способом оценки социальной и политической действительности. Под этим К. Калхун предлагает понимать «политические и культурные идеологии, которые утверждают превосходство отдельной нации» [6, с. 33] не только над другими сообществами, но и над политическими режимами, легитимность в отношении которых проигрывает в конкуренции с легитимностью нации.

Библиографический список

1. Barghoorn F. Soviet Russian Nationalism / F. Barghoorn. – NY., 1956.
2. Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953 – 1991 / Y. Brudny. – Cambridge, 1998.
3. The Invention of Tradition / eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
4. Dunlop J. The Faces of Contemporary Russian Nationalism / J. Dunlop. – Princeton, 1983.

5. Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: the Post-Stalin Era / V. Shlapentokh. – Princeton, 1990.
6. Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.
7. Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953 – 1985 годы / Н. Митрохин. – М., 2003.
8. Налбантова Е., Налбантов Г. Интерпретация и / или контрол / Е. Налбантова, Г. Налбантов // <http://liternet.bg/publish2/enalbantova/interpretacia.htm>
9. Юхма М. Древние чувашские боги и герои. Легенды и мифы Древней Чувашии / М. Юхма. – Чебоксары, 1996.
10. Юхма М. Цветы Эльби. Рассказы, сказки, легенды / М. Юхма. – М., 1977.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.А. Тонких, Л.И. Кондратенко

Россия в современном глобальном мире (в свете событий последнего времени)

В статье дается анализ места и роли России в современной глобальной политике, противоречий, возникших в связи с последними событиями на Украине и вокруг нее, трансформации внешней политики России с весны 2014 года

Ключевые слова: Россия, Украина, Запада, США, глобальный мир

In the article the authors revealed the place and the role of Russia in modern global politics, contradictions in connection with the last events in Ukraine and around it, the transformation of Russian foreign policy since spring 2014

Keywords: Russia, Ukraine, West, USA, global world

В марте 2014 года в российской внешней политике произошли события, в корне изменившие геополитическую стратегию Российского государства. Впервые с начала 1990-х годов Москва предприняла реальные самостоятельные действия, вопреки глобальным установкам Вашингтона. Речь идет о восстановлении исторической справедливости, воссоединении Крыма с Россией, присоединении полуострова к России. За вхождение Крыма в состав России на общенародном референдуме проголосовало почти 96% жителей полуострова. В однополярном мироустройстве была пробита основательная брешь, что вызвало чрезвычайное неудовольствие Запада, обнажило серьезные противоречия западного мира с Россией. Как былинный русский богатырь Илья Муромец, просидевший тридцать лет и три года, а затем поднявшийся во весь свой могучий исполинский рост, выказав невиданную ранее силу, так и Россия поднялась во весь рост и показала миру свою способность к принятию и реализации стратегических внешнеполитических решений.

США и Западная Европа по этому поводу впали в политическую истерику, продемонстрировав остальному миру политику двойных стандартов и двойственной морали. Весь XX век Вашингтон основой собственной внешнеполитической стратегии полагал двойную мораль, по своему усмотрению наказывая суверенные государства, перекраивая сложившуюся политическую карту мира. В 1999 году дело дошло до вооруженной агрессии США и НАТО против суверенной Югославии вопреки решению Совета Безопасности ООН. Россия того времени в силу ряда причин не смогла защитить своего исторического союзника.

В новом столетии линия диктата Вашингтона под лозунгами демократии и защиты прав человека была продолжена. В октябре 2001 года США начали вооруженную агрессию против Афганистана, несколько месяцев безуспешно преследовали в афганских горах неуловимого террориста Бен Ладена. В марте 2003 года американская армия без веских оснований осуществила агрессию против суверенного Иракского государства. Мировая общественность, в конечном счете, согласилась с действиями Вашингтона. Известно, что военные действия в Афганистане и Ираке не принесли успеха в борьбе за торжество западной «демократии». Это обстоятельство признали многие западные эксперты. Английский специалист Р. Гидеон отмечает: «В Британии есть общее мнение, что попытка экспорта демократии в Афганистане и Ираке в период вторжения была ошибкой» [6].

В феврале 2008 года в Европе при поддержке США и их западных союзников появилось суверенное государство Косово, лидеры которого – радикальные албанские сепаратисты, запятнали себя преступными деяниями против сербов и других народов края. Вашингтон оказывал прямое покровительство косовским террористам, игнорируя элементарные права косовских сербов.

С осознанием фактического поражения армии США в Афганистане и Ираке американская модель однополярного мира дала огромную трещину. Следует признать, что даже такому мощному государству, как США, оказалось не под силу вести кровопролитные войны в разных уголках мира, насаждая западную модель «демократии», навязывая

свое понимание ценностей остальным странам и народам. Но в своем глазу трудно рассмотреть бревно. Проще увидеть соломку в глазу другого. Когда Россия прямо заявила о своих геополитических интересах по поводу Крыма, на Западе началась истерия.

События весны 2014 года показали, что глобальный мир стал другим, не таким, каким привыкли видеть его из-за океана. Как справедливо отметил министр иностранных дел России С. Лавров в статье в британской газете "Guardian", «современный мир – не детский сад, в котором есть некие воспитатели, назначающие наказания по своему усмотрению» [3]. Россия не нуждается в руководстве из-за рубежа и способна самостоятельно, без подсказки извне определить свой путь исторического развития.

Известно, что Соединенные Штаты и некоторые их союзники оказывали поддержку радикальным политическим силам Украины. Неоднократно звучали призывы о вступлении Украины в НАТО. Американские спецслужбы готовили антиправительственные выступления в Украине, финансировали государственный переворот в Киеве. ЦРУ, ФБР, Госдеп США учитывали внутренние противоречия Украины, специфику запада и востока страны. Подобные технологии спецслужбы США отработывали в ряде «цветных революций» на Ближнем Востоке. Итог этих революций известен: массовые волнения потрясают Египет, фактически прекратила существование как суверенное государство и распалась на несколько частей Ливия. За время кровопролитной войны в Сирии произошел массовый исход народа, сопровождаемый грабежами и убийствами мирного населения. Таковы результаты политики продвижения «американской демократии» в разных странах мира.

Закономерен вопрос: по какому праву США, нарушая фундаментальные принципы мирового порядка, позволяют себе вмешиваться в дела соседнего с Россией государства – Украины, где проживает братский украинский народ, а значительную часть населения соседнего государства составляют русские люди. Как бы повели себя политики из Вашингтона, если бы Россия вдруг начала открыто

вмешиваться во внутривнутриполитическую жизнь соседней с Америкой Мексики? Вполне очевидно, что события в Украине стали предлогом для усиления антироссийской политики Запада, ослабления позиций Москвы как ведущего субъекта мировой политики.

Проповедуя политику двойных стандартов, Запад угрожает России разного рода санкциями, устрашениями, не понимая, что угрозы консолидируют российское общество, повышают авторитет государства. Даже в самые острые периоды холодной войны при президентах Трумэне, Кеннеди, Никсоне, Рейгане США не угрожали СССР экономическими и иными санкциями. В определенной степени западные санкции вызовут трудности в российской экономике, социальной сфере. Однако современный мир настолько тесно связан взаимными интересами, что санкции против одного государства неизбежно могут обернуться своей противоположностью и больно ударить по тем, кто их вводил. Следует учитывать, что Россия обладает значительными природными, финансовыми, военными, людскими ресурсами, чтобы смягчить действия санкций.

Даже более слабое в экономическом отношении в сравнении с Россией государство Иран могло в течение нескольких лет успешно противостоять санкциям Запада. Исследователь из Института национальной безопасности в Тель-Авиве А. Джиора пишет: «Иран не может быть изолирован в экономике и политике из-за позиции России по трем причинам. Во-первых, Россия имеет широкие экономические связи с Ираном. Во-вторых, две развивающиеся державы Китай и Индия отказались применять санкции против Ирана, так как обе имеют свои интересы в Иране. В-третьих, Россия поддерживает строительство ядерного реактора в Бушере... Без России США может иметь небольшой успех по Ирану» [7]. Десятилетиями в условиях экономической блокады со стороны США живет и развивается Куба. В мире есть и другие примеры подобного рода.

Наша страна в XX веке не раз сталкивалась с разного рода санкциями и угрозами со стороны Запада, что создавало

дополнительные трудности развития, но страна сохраняла свой экономический и военный потенциал и выходила из сложных ситуаций.

В большей степени, чем США, от санкций против России пострадают западноевропейские государства. Так, Германия имеет с Россией товарооборот 76,5 млрд. евро, около 31% газа и 35% нефти идут в Германию из России [1]. Введение санкций против России выявило противоречия внутри ЕС: ряд видных политиков и общественных деятелей выступили с заявлениями о неприятии подобного рода действий. Глава императорского дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна подчеркнула: «Применять санкции, специально и явно направленные на нанесение ущерба стране, выполняющей все свои финансовые и экономические обязательства перед партнерами, да еще такой большой и мощной стране, как Россия, в условиях современной глобальной экономики, во время мирового экономического кризиса – абсурдно и губительно» [4].

Для России не будет большой потерей исключение нашей страны из G8, не имеющей какого-либо влияния в глобальной политике. Точно так же Россия может благополучно обойтись и без участия в ПАСЕ, сэкономив при этом порядка 23 млн. евро, которые ежегодно вносит в бюджет организации. «Большая двадцатка» имеет гораздо большее значение для России. В этой организации наша страна находит поддержку со стороны ряда других государств.

Под воздействием событий в Украине, на Ближнем и Среднем Востоке формируется качественно новая ситуация по стимулированию экономического развития нашей страны, практической модернизации промышленного производства. От теории модернизации следует переходить к реальным делам.

В одном из своих выступлений Б. Обама, стремясь унижить нашу страну, назвал Россию региональной державой. Обидного в этом ничего нет. Имеют место и оценки иного рода. Американский политолог У. Ричмонд пишет: «Россия действительно потерпела поражение (в холодной войне.- В.Т.), но она не вышла из игры. Она имеет много черт, присущих великой державе, - ядерное оружие и средства его доставки,

огромные природные ресурсы, богатые запасы нефти и газа, стратегическое положение в Европе и Азии, образованные и профессионально подготовленные кадры, мирового уровня науку, программу активного освоения космоса, обогатившую мир культуру и историю, которой по праву гордятся русские» [8].

В условиях нарастающих противоречий России и Запада надежным вектором политической стратегии Москвы может стать формирование устойчивого курса на Восток. Россия – евроазиатское государство и восточное направление внешнеполитической стратегии также правомерно, как и иные. Стабильные и постоянно углубляющиеся отношения сложились у Москвы с Пекином, Сеулом, Дели, другими азиатскими странами. Западные политики должны учитывать, что у России есть иные варианты конструктивного сотрудничества в современном глобальном мире. В начале нынешнего столетия значительно улучшились отношения России с Китаем, Индией, Республикой Корея, Вьетнамом, государствами Латинской Америки, расширились разнообразные контакты со странами в рамках БРИКС. Сотрудничество в этом направлении может и должно быть продолжено.

Рано давать окончательную оценку событиям вокруг Украины. Этот нарыв будет кровоточить длительное время, подогреваемый недругами России. Единство Украины может быть сохранено только при условии принятия новой Конституции, гарантий внеблокового и нейтрального статуса страны, принятия принципов федерализма, что гарантирует равноправное существование различных регионов государства, а также гарантий живущим на Украине русским в сохранении русского языка как второго государственного.

События весны 2014 года позволяют сделать еще один важный вывод. Эйфория от вхождения Крыма в состав России пройдет. Люди вернутся к повседневной жизни, проблем в которой не убавилось, а стало еще больше. Стратегическая задача государства – попытаться привести внутреннюю политику к состоянию, адекватному массовым ожиданиям народа. Для этого необходимо решить целый ряд проблем по стабилизации социально-экономической сферы, преодолению

нарастающей коррупции, решению проблем сельского хозяйства, образования, здравоохранения, опираясь на реальные, а не искусственно создаваемые в угоду начальству статистические данные. Назревшие проблемы российской жизни нельзя больше скрывать либо устраняться от их решения.

По-прежнему в российском обществе остро стоит вопрос социальной справедливости. По итогам социологического исследования «Социальное неравенство и политическая нестабильность», проведенного «Лабораторией» под руководством Ольги Крыштановской, 80,5% опрошенных считают российское общество несправедливым. Главным препятствием для построения в стране справедливого общества граждане считают государственно-бюрократический аппарат. Чиновников и государство в целом назвали 27% участников исследования. 19,5% видят главную причину в коррумпированности российского общества. Сделать наше общество более справедливым могут борьба с коррупцией (23,4%), компетентное и ответственное правительство (22,1%), развитие институтов гражданского общества (20,8%) [4; 5].

Как отмечает директор Института социологии РАН, академик РАН М. Горшков, «людей раздражает огромный разрыв в доходах разных слоев населения. В Швейцарии, Норвегии, Дании, Финляндии разрыв в доходах между 10 процентами самых обеспеченных и 10 процентами самых бедных граждан колеблется от 4 до 6 раз, во Франции и Великобритании – от 8 до 10 раз, в США – от 12 до 14 раз. В Великобритании, если разрыв в доходах достигает 10 раз, собирается чрезвычайная сессия парламента. В России, по данным Росстата, - разрыв в 16,7 раз. По результатам социологических замеров он почти в два раза больше. Однако никаких чрезвычайных сессий Законодательного собрания Российской Федерации! Такой вопрос у нас даже не ставится!» [2]. Причем, нажитое непосильным трудом богатство не скрывается, выставляется напоказ нищему народу.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 62% участников соцопроса назвали самой серьезной для

страны проблемой инфляцию и рост цен. На втором месте оказались трудности в сфере ЖКХ – 60%. Третье место среди самых важных проблем заняли коррупция и бюрократизм во всех сферах общества – 47%; четвертое – неудовлетворенность уровнем жизни и опасения его снижения (42%). На пятое место граждане поставили проблемы наркомании как угрозы для будущего России – 34% [4; 5].

Есть над чем работать государственным структурам.

Стратегической задачей государства должно стать изменение методологии развития – от ориентации на интересы крупного олигархического капитала на интересы труда. Из политического лексикона исчезло понятие «трудящиеся», редко говорится о насущных проблемах людей труда. А ведь давно известно, что капитал создается трудом, трудящимися. Определенным образом государство стало прислушиваться к новым веяниям после массовых митингов в Москве, несколько усилив социальную политику. Однако этих мер социальной поддержки по-прежнему недостаточно на фоне быстро растущей инфляции, падения курса национальной валюты, снижения уровня жизни населения и т.п.

Каковы перспективы отношений России с Западом в свете кризиса в Украине? Украинский кризис продемонстрировал миру, что российская и западная типы цивилизаций имеют противоположные ценности и идеалы. Америка и Европа настаивали на универсальном характере собственных ценностей, что оказалось неприемлемым для абсолютного большинства жителей России. Между тем, западная цивилизация утратила многие традиционные духовно-нравственные ценности, признав законность однополых браков, отказавшись от ряда фундаментальных религиозных норм. Даже католические страны, вопреки нормам христианской морали, пошли на поводу антихристианских, бесовских устремлений, забывая библейские предостережения: «Не ложись с мужчиною как с женщиною, ибо это мерзость» (Лев. 18, 22).

Выходя за границы украинского кризиса, события последнего времени показали, что глобальный конфликт разгорелся именно из-за

противоположного понимания системы ценностей Россией и Западом. В то же время обе стороны конфликта имеют фундаментальные интересы в сохранении мира и отказа от военного способа разрешения конфликта, свидетельством чему стала встреча в Женеве в апреле 2014 года. Никто на Западе не хочет возврата к холодной войне по существу, принимая, тем не менее, политическую риторику того времени.

Россия и Запад могут, несмотря на кризис в отношениях, работать по ряду стратегических направлений. Речь идет в первую очередь о контактах в сфере борьбы с международным терроризмом, в сфере энергетики и охраны окружающей среды, туризма, культуры и т.п. Будущее современной глобальной политики – не в нагнетании конфронтации, не в санкциях и угрозах, а в поиске конструктивного решения кризисных проблем с учетом интересов всех стран и народов.

Библиографический список

1. Горковская М. Консерваторы ФРГ собирают подписи за снос советского памятника / М. Горковская, В. Горовой // Известия. 2014. 18 апреля.
2. Горшков М. Центр тяжести / М. Горшков // Литературная газета. 2014. №15.
3. Лавров С. «Современный мир – не детский сад!» / С. Лавров // Комсомольская правда. 2014. 9 апреля.
4. Подосенов С. Граждане боятся нового скачка цен / С. Подосенов // Известия. 2014. 15 апреля.
5. Подосенов С. Чиновники мешают построить справедливое общество / С. Подосенов // Известия.- 2014.- 10 апреля.
6. Gideon R. The Case of Opportunistic Idealism / R. Gideon // The Washington Quarterly. January 2009. Vol.32. N1. P.119.
7. Giora A. Israel's Military Options / A. Giora // The Washington Quarterly. January 2010. Vol.33. N1. P.118.
8. Richmond Y. Cultural Exchange and Cold War: Raising the Iron Curtain / Y. Richmond. - The Pennsylvania State Univ., 2003. - P.226.

О.Ю. Кордюкова

**Россия в глобализирующемся мире:
ответы на внешние вызовы**

В статье раскрывается характер изменений в мировой политике, экономике и безопасности. Рассматривается роль Российской Федерации в глобальных процессах. А также анализируются ее позиция и реакция на современные мировые события.

Ключевые слова: Россия, глобализация, национальные интересы, экономика, политика, безопасность.

This article shows the nature of the changes in world politics, economics and security. The role of the Russian Federation in global processes is considered as well. And also the analysis of a position and reaction of Russia to modern world events is given.

Keywords: Russia, globalization, national interests, economics, politics and security.

Сегодня мир переживает время глубоких перемен. С конца XX века происходит становление новой, полицентричной системы международных отношений. На первый план выходят поиски адекватных ответов на глобальные вызовы и угрозы, масштаб которых — несмотря на разность интересов и противоречия государств — тем не менее, диктует объединительную повестку дня в международных делах. Попытки выстраивать мировой порядок на основе однополярного доминирования, политики гегемонизма и силы уже доказали свою полную несостоятельность. На смену блоковым подходам к решению мировых проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы многостороннего диалога, поиски возможностей международного партнерства и взаимодействия [1, с. 11].

Характерной чертой современной обстановки является относительное ослабление позиций самого мощного и влиятельного государства — Соединенных Штатов Америки. Стало очевидным, что никакая, даже самая сильная страна не в состоянии справиться с решением нарастающих в мире серьезных проблем, навязать миру свою волю. Вектор мировой политики постепенно смещается от

евроатлантического направления, безраздельно доминировавшего на международной арене на протяжении ряда веков, в Азиатско-Тихоокеанский регион, значение которого в формировании нового миропорядка будет и дальше неуклонно возрастать. Резко возросла роль и ответственность КНР в решении глобальных проблем развития мировой экономики и вопросов безопасности. Китайская Народная Республика уверенно вышла на позиции одной из ведущих мировых держав, существенно возросло ее влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это особенно заметно в сфере мировой экономики, где Китай становится одним из главных двигателей развития.

Постепенно набирает вес авторитет России как великой державы. РФ строит свои отношения в рамках новых диалоговых структур БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—Южно-Африканская Республика) на основе стратегического партнерства, полного равноправия и взаимодействия. Все слышнее становится голос развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, стремящихся покончить с тяжелым историческим наследием. Наряду с нарастанием процессов глобализации, существенно повышается значение региональных факторов в урегулировании мировых проблем. Такие структуры, как ЕС, АТЭС, АСЕАН, ШОС и другие, все больше берут дела регионов в свои руки.

Тем не менее, мир никак не может обрести новое равновесие и стабильность, становление демократического и справедливого международного порядка идет весьма трудно и в острой борьбе. Во многих районах мира по-прежнему сохраняется высокий конфликтный потенциал. Серьезную дестабилизирующую роль играют пережитки политики с позиции силы, вмешательство, включая военное, во внутренние дела других государств. Эти действия бесцеремонно и цинично попирают международное право, Устав ООН, предпринимаются в обход ООН, обесценивая значение этой организации как главного органа, отвечающего за обеспечение всеобщего мира и безопасности.

Несмотря на всю сложность нынешней международной обстановки, усиливающуюся борьбу за преобладающее влияние в мире, все же, как

представляется, на данном этапе нет прямой опасности возникновения крупномасштабного военного столкновения между ведущими мировыми державами. Более того, перед лицом резко возросших новых угроз — терроризм, экстремистские течения, появление новых очагов напряженности, «горячих точек» — расширяется круг общих интересов этих держав в сфере обеспечения международной и национальной безопасности. Все более серьезные вопросы возникают в связи с изменением климата, экологическим кризисом, усугубляется продовольственная проблема, обостряется борьба за обладание энергетическими ресурсами.

В целом уже вышесказанное позволяет сделать вывод, что мир нуждается в новой повестке дня в целях формирования более справедливого и равноправного миропорядка, при котором в наибольшей степени обеспечивались бы интересы мирового сообщества. Одна из центральных задач — избежать очередного витка нарастания противоборства между ведущими мировыми державами. Предшествующий драматический опыт ставит вопрос, способно ли мировое сообщество предотвратить возникновение в будущем новой глобальной гегемонии, найти надежные и выработать действенные нормы регулирования отношений в полицентричном мире, предотвратить появление новых «холодных» и «горячих» войн. Пока такие механизмы и общепринятые нормы не выработаны, опасность повторения пройденного все еще существует.

Следует подчеркнуть, что в этих условиях весьма важную роль в формировании конструктивных подходов к мировым делам призвана сыграть и Россия — в силу ее веса на международной арене, жизненной заинтересованности в поддержании и закреплении стабильной международной обстановки, столь необходимой для успешного осуществления масштабных социально-экономических преобразований. Президент России В. Путин в своей статье «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить», так обозначил позицию нашей стране в мире: «...Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ее цивилизационной моделью, великой историей,

географией и ее культурным геномом, в котором органично сочетаются фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком, где сейчас активно развиваются новые центры экономической силы и политического влияния»[2]. РФ активно выступает за формирование нового, более справедливого и демократического порядка, поддерживает усилия других стран, которые содействуют вышеназванным целям. Россия предлагает пример новой модели взаимоотношений, которая строится на основе равноправного многостороннего стратегического взаимодействия, с учетом интересов своих партнеров, при этом речь, разумеется, не идет о создании каких-то блоков, объединений в противовес другим странам.

Отличительная черта российской внешней политики — ее сбалансированность и многовекторность. Это обусловлено геополитическим положением РФ как крупнейшей евразийской державы, ее статусом одного из ведущих государств мира и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Извлекая уроки истории, Россия стремится не вовлекаться в затратную конфронтацию, в том числе в новую гонку вооружений, разрушительную для экономики и пагубную для развития страны. Вместе с тем она будет поддерживать необходимый уровень оборонной безопасности. Усилия российской дипломатии сконцентрированы на создании благоприятных условий для развития нашего государства, с целью соразмерить внешнеполитическую деятельность с потребностями всесторонней модернизации страны, для достижения технологического прорыва и перевода экономики на инновационные рельсы. С учетом этого Россия весьма заинтересована в процессах глобальной и региональной интеграции [1, с. 16-17].

Геополитический код является важнейшей составляющей частью проводимой государством внешней политики. Именно на основе кода государства разрабатывают внешнеполитические концепции, доктрины национальной безопасности, принимают важные стратегические геополитические решения. Как известно, в новой редакции Концепции внешней политики России продолжает упоминаться непринятие однополярного мира и отмечается сокращение доминирования Запада в

мировой экономике и политике. Более того, четко прописывается, что в современном мире происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, происходит его смещение на Восток, а именно в Азиатско-Тихоокеанский регион. Также особое значение отводится «мягкой силе», которая представлена в качестве неотъемлемой части современной международной политики. Не обошлось и без критики вмешательства во внутренние дела страны [3].

Анализируя ту часть, в которой говорится о современном мире и внешней политики РФ, можно отметить, что выстраивание внешней политики стало более антизападным. Здесь мы видим обвинение Запада в стремлении сохранить доминирующие позиции, что влечет за собой нестабильность в международных отношениях, в негативном влиянии нерешенных структурных проблем стран Запада на глобальное развитие и др. Россия же в противовес представлена как уравнивающая фактор в международных делах и развитии мировой цивилизации.

Однако с другой стороны, говорится о намерении добиться отмены шенгенских виз, усилить сотрудничество с ЕС в рамках Партнерства для модернизации, общем рынке и координации внешней политики. Существует и такое заявление, что Россия представляет собой неотъемлемую, органичную часть европейской цивилизации, и основной целью является создание единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана. Кроме этого, приоритетный характер имеет развитие отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни [3]. Внешняя политика в этом регионе ставит целью формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности.

Учитывая существенные сдвиги в мировом развитии, Россия придает все большее значение Азиатско-Тихоокеанскому региону, стремясь сбалансировать свою политику как на западном, так и на восточном направлениях. Кардинальное значение для повышения глобальной и региональной роли России, в том числе в АТР, имеет геостратегическое положение нашей страны как евразийской державы.

При этом важно учитывать то обстоятельство, что евро-атлантический и евро-тихоокеанский, то есть, другими словами, западный и восточный векторы политики России выступают синергетически взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга. Это обусловлено также принадлежностью нашей страны к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании возможностей партнерского сотрудничества при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности, сохранения культурного многообразия и налаживания диалога между цивилизациями.

Большое внимание уделяется постсоветскому пространству. Евразийский экономический союз видится как эффективное связующее звено между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом [3]. С Украиной РФ стремится выстраивать отношения как с приоритетным партнером в СНГ и способствовать ее подключению к углублению интеграционных процессов. Важно, что Россия не снимает с себя задачи в урегулировании конфликтов на пространстве СНГ.

Важнейшим направлением внешней политики остаются Индия и Китай. Отмечается схожие подходы Китая и РФ к ключевым вопросам мировой политики. Делается ставка на дальнейшее развитие механизма действенного и взаимовыгодного внешнеполитического и экономического сотрудничества в рамках сложившегося треугольника сотрудничества Россия – Индия – Китай [3]. В целом же, как показывает объективный анализ, благоприятные возможности и перспективы российско-китайского партнерства, безусловно, преобладают над проблемами и вызовами. Последние не имеют антагонистического характера. Они могут успешно решаться на путях конструктивного и целенаправленного диалога сторон.

Подводя итог, можно сказать, что Концепция вызывает неоднозначные чувства: с одной стороны, Россия стремится расширить свое влияние на своих соседей на постсоветском пространстве, усилить сотрудничество в разных сферах с Китаем и Индией, а с другой

высказывается о готовности к конструктивному и последовательному сотрудничеству с Западом, хотя эти зоны влияния могут привести к напряженности в отношениях Запада и Москвы. Так, с приходом Путина на третий президентский срок внешняя политика России стала еще более активной, и говорить о ее малозначительности не приходится.

Россия продолжила свое участие в урегулировании сирийского конфликта, который начался в 2011. Ситуация обострилась 21 августа 2013 года, когда в пригороде Дамаска произошла химическая атака, вину за которую оппозиция и действующее руководство Сирии возлагали друг на друга. Сложившиеся обстоятельства требовали немедленных действий. Кремль изначально выступил решительно за разрешение данного конфликта исключительно мирным путем, чтобы не повторить ливийский сценарий свержения действующего режима. Бездействия Москвы в отношении Ливии стали серьезной геополитической ошибкой, которую необходимо было исправить за счет Сирии.

Для этого на фоне Америки, грозящей военной операцией в Сирии, Россия предложила план, согласно которому Дамаск должен передать химическое оружие под контроль международного сообщества. Башар Асад с одобрением отнесся к этому предложению. Уже 10 сентября 2013 г. Сирия согласилась предоставить свои запасы химического оружия под международный контроль, следуя данному плану, а 27 сентября СБ ООН единогласно принял резолюцию по уничтожению сирийского химического оружия. Особенно важным в этом вопросе стало обращение В. В. Путина к гражданам Америки посредством статьи, которая была опубликована в газете *The New York Times*. Президент призвал народ США осознать неэффективность применения силы, в результате которой «неизбежны расширение насилия и новая волна терроризма»[4]. Более того, Путин затронул и тему равенства всех народов, заявив, что в международных отношениях нет места для исключительности одного народа. Данная статья вызвала большой резонанс. 80% рядовых американцев положительно отнеслись к предложению президента России и изменили свое мнение о нашей стране в лучшую сторону.

Можно смело заявить, что в этом вопросе Россия одержала действительно дипломатическую победу. В. В. Путин не только добился мирного разрешения проблемы, предотвратив новую войну на Ближнем Востоке, но и сохранил российскую военную базу в сирийском порту Тартус и военные контракты, а Башар Асад остался у власти, смены режима не произошло. Более того, ему удалось улучшить международный имидж России и заодно сохранить лицо президента США, Барака Обамы. Так, Россия снова закрепила за собой роль важного игрока на Ближнем Востоке, мнение которого необходимо учитывать остальным странам.

Но главным событием в сирийском вопросе стало, конечно же, 30 сентября 2015, когда российские воздушно-космические силы приступили к атакам террористов в Сирии. За месяц военной операции было совершено более 1500 боевых вылетов, серьезно повреждена инфраструктура террористов [5]. В регионе и в мире действия России встретили противоречивые оценки, однако к концу октября все уяснили для себя мотивы Москвы. В первую очередь Россия хочет предотвратить распад Сирии и масштабные территориальные изменения на Ближнем Востоке, которые он может повлечь. В основе ближневосточной политики России лежит логика, что любой навязанный извне порядок не будет справедливым и долговечным.

Следствием данных действий стало начало сотрудничества и переговоров западных стран о координации усилий с Россией на антитеррористическом фронте, помимо этого все чаще среди европейских элит звучит мнение о необходимости восстановления дипломатических отношений и недопустимости экономической изоляции Москвы. И если раньше об этом говорили представители достаточно радикального лагеря, вроде Сары Вагенкнехт – сопредседателя фракции «левых» в Бундестаге Германии или лидера французского «Национального фронта» Марин Ле Пен, то сегодня к дружбе с Россией призывают вполне системные политики [6].

В многополярном мире военно-политическая роль России, прежде всего, определяется ее востребованностью в решении общемировых

задач борьбы против распространения ядерного оружия, терроризма, в ликвидации региональных международных конфликтов. Хочется подчеркнуть, что для всего мирового сообщества характеристики этих вызовов и угроз очень важны. Проблема распространения ядерного оружия сфокусировалась сегодня на программе ядерного вооружения Северной Кореи и перспективности ядерного вооружения Ирана. Россия предпринимала и продолжает предпринимать усилия для того чтобы не допустить разворота ядерной программы Ирана в военном направлении. Решать эти задачи нужно, исключив применение военной силы, и при весьма осторожном отношении к экономическим санкциям [7].

Еще одной важнейшей темой европейской и международной повестки дня стали события на Украине, которые во многом оказали влияние на развитие отношений внутри Евро-атлантического пространства, а также стали фактором очередной волны напряженности между Россией и Западом и предпочтениях Москвы в активизации некоторых внешнеполитических направлений. При этом украинский кризис, в сущности, не изменил логики международных процессов, а для многих стран, занятых решением актуальных проблем региональной повестки, - его отголоски едва доносились.

С начала 2014 года Россия столкнулась с рецессией, за которой последовал экономический кризис, в основном в связи с резким падением мировых цен на нефть. Несмотря на то, что западные санкции усугубили ситуацию, экономические проблемы России носят структурный характер, и нынешний экономический кризис стал результатом более глобальных процессов, никак не связанных с событиями на Украине. По сути, они связаны со стремлением Саудовской Аравии удерживать низкие цены на нефть, чтобы воспрепятствовать развитию добычи шельфовой нефти в США (и для последних это плохая новость, даже если Россия от этого тоже страдает).

В кризисных условиях многие страны – Россия не является исключением – действуют по принципу проб и ошибок. И все же есть основания считать, что курс на инновационное развитие страны, на

создание внутренних источников роста обозначится более контрастно. Иного пути для великого государства, каким является Россия, попросту нет. Крымский прецедент и российская позиция в украинском конфликте представили всему миру Россию в качестве одного из главных центров многополярного мира, который четко выстраивает самостоятельную внешнюю политику. Сама же Россия продемонстрировала свой разворот в сторону Азии, ослабив, может и не по своей воли, сотрудничество с Западом. Хотя надо заметить, что сотрудничество США и РФ продолжается в тех сферах, где интересы стран не противоречат друг другу. К ним можно отнести вопросы нераспространения ядерного оружия, борьбы с глобальным терроризмом, ликвидации химического оружия Сирии, ядерных переговоров с Ираном, транзит грузов НАТО из Афганистана по территории нашей страны. Однако, в сложившейся ситуации, когда некоторые стали говорить о новой холодной войне, хотя я считаю, что это преувеличение, Россия активно начала заручаться поддержкой в других регионах мира.

С 1 января 2015 года начал действовать Евразийский экономический союз, на который возлагаются большие надежды. В него входят Россия, Беларусь, Казахстан. Позже присоединилась Армения, затем Киргизия. К данному объединению проявляют интерес и другие страны. Так, Египет и Россия также пришли к соглашению о создании зоны свободной торговли между Египтом и Евразийским экономическим союзом [8]. Значительно активизировались отношения Российской Федерации и Китая на фоне похолодания в связях с Западом. Говоря о ЕАЭС, министр торговли Единого экономического пространства Андрей Слепнев заявил, что в Москве готовы обсуждать перспективы объединения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Великого шелкового пути» — главного стратегического мегапроекта КНР на постсоветском пространстве, основной задачей которого является создание евроазиатского транспортного, энергетического и торгового коридора через страны Центральной Азии в Европу [9]. Более того, если говорить о присоединении Китая к ЕАЭС еще рано, то вступление РФ в такой проект, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian

Infrastructure Investment Bank, AIIB), уже произошло. Однако выстраивать отношения с КНР следует с позиции взаимовыгодных решений, а не односторонних уступок, в частности в плане энергетики. Также стоит учесть, что Китай рассматривает свое место в мире и возможности остальных партнеров сквозь треугольник сверхдержав: КНР – США – Россия. В этой геометрии Москве важно сохранить Вашингтон как способ поддержания равновесия с Пекином и повышения его интереса [10]. В этом контексте Россия не должна упускать из вида и влияние Китая на Центральную Азию, где России будет сложно составить достойную конкуренцию Пекину. Поэтому Москве необходимо держать его на определенной дистанции во избежание возможного прямого столкновения интересов обеих стран, но параллельно продолжать сотрудничество в рамках нейтрализации угроз экстремизма и наркотрафика. Россия находит поддержку и среди стран Латинской Америки. Так, президент Аргентины, Кристина Киршнер, заявила о своей поддержке России в вопросе присоединения Крыма, ссылаясь на инцидент с Фолклендскими островами. Путин совершил визиты в Кубу, Бразилию и Никарагуа, где подписал пакет документов о сотрудничестве.

Таким образом, в третий президентский срок В.В. Путина Россия активизировала свою внешнюю политику, принимая участие в таких важных вопросах, как сирийский конфликт и украинский политический кризис. При этом если в первом случае страны Запада и РФ нашли точки соприкосновения, то во втором вопросе подходы оказались различными, что привело к противостоянию. На фоне охлаждения отношений с Западом внешнеполитический курс России был переориентирован в основном на Восток. Снова в яркой форме проявилось геополитическое противостояние цивилизаций Моря и Суши. Россия бросила вызов международной системе, в основе которой лежат правила, установленные Западом, и ей, по большому счету, это сошло с рук. Этим Москва продемонстрировала, что геополитика и «жесткая сила» остаются лучшими доводами в современном мире. Путин заставил восточные страны-члены НАТО волноваться о своих гарантиях

безопасности, а соседние с Россией государства больше не тешат себя иллюзиями о том, что дружественные отношения с Москвой – это вопрос выбора.

Являясь составной частью глобализирующегося мира и стремясь идти в русле его положительных тенденций, сегодняшняя Россия в то же время сталкивается с серьезными вызовами и угрозами, когда испытываются на прочность ее экономика и политика, определяется место страны в системе международных координат. Актуальным остается создание национальной идеологии, дающей нравственную оценку геополитической ситуации, формулирующей основополагающие нравственные и социальные принципы, которые соответствовали бы национальным потребностям народов России и их историческим традициям.

Библиографический список

1. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы / М.Л. Титаренко. — М. : ИД «ФОРУМ», 2012. — 544 с.
2. В.В. Путин. «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить». — URL : <http://izvestia.ru/news/511884> (дата обращения 10.11.15)
3. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013. — URL : <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/info/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (дата обращения: 10.11.15)
4. Сирийская альтернатива. — URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обращения: 18.11.15)
5. Военная операция в Сирии. — URL : <http://politrussia.com/vooruzhennye-sily/onlayn-translyatsiya-nachalo-506/> (дата обращения 12.11.15)
6. Международная панорама. — URL : <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2408327> (дата обращения: 10.11.15)
7. Е.М. Примаков «Россия в современном мире». — URL : http://www.ng.ru/ideas/2009-07-02/7_aftercrisis.html?id_user=Y (дата обращения 15.11.15)
8. Владимир Путин: Россия поможет Египту создать атомную отрасль. — URL : <http://russian.rt.com/article/73524> (дата обращения: 14.11.15)
9. Тодоров В. Китай поможет / В. Тодоров // Россия в глобальной политике. — 2015 — №31. — С. 22-23.
10. Лукьянов Ф. А. Зачем нам Америка? / Ф. А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. — 2014 — №28. — С. 11-12.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Кӓрчансен Макӓме

Между эссенциализмом и постмодернизмом: Кестентин Иванов в чувашской национальной памяти

Автор анализирует место и роль Кестентина Иванова в контексте развития чувашской исторической памяти. Проанализирован процесс изменения коллективных представлений о чувашском поэте. Автор анализирует эссенциалистские и постмодернистские интерпретации. Проанализированы попытки интеграции образа Кестентина Иванова в формальный дискурс официальной чувашской идентичности в 2000-е годы.

Ключевые слова: Чувашия, Кестентин Иванов, национальная идентичность, историческая память

The author analyzes place and role of Kestentin Ivanov in the context of Chuvash historical memory. The processes of changing of collective representations about Chuvash poet are analyzed. The author analyzes essentialist and postmodern interpretations. The efforts to integrate the image of Kestentin Ivanov in formal discourse of official Chuvash identity in the 2000s are also analyzed.

Keywords: Chuvashia, Kestentin Ivanov, national identity, historical memory

Большинство современных европейских наций относятся к числу относительно новых исторических, политических и культурных явлений, обязанных своим появлением и / или институционализацией националистическим движениями, которые протекали на протяжении XVII – XIX веков. Для периферийных регионов Европы характерна замедленная социальная и культурная динамика, которая определила более позднее возникновение наций как политических сообществ. К числу таких периферийных регионов относится и Чувашия, где чувашская политическая нация была институционализована только в XX веке. Хронология и временные границы этого процесса продолжают

оставаться дискуссионными. Исследователи европейских национализмов едины во мнении, что особую роль в институционализации наций играют интеллектуалы-националисты, которые более поздними националистами, их политическими наследниками, подвергаются значительной мифологизации и интегрируются в формализованный или неофициальный национальный пантеон отцов-основателей нации.

Не является исключением и чувашский национализм. Чувашские «отцы-основатели» современной нации, Кестентин Иванов и Сеспел Миши, оказались наиболее подходящими кандидатами для канонизации – талантливые поэты, наделенные мощной культурной харизмой, они рано ушли из жизни, оставив после себя не так много написанных и изданных работ, что превратило их в идеальные фигуры для мифологизации. В рамках современного националистического дискурса в Чувашии на роль одного из отцов нации претендует Кестентин Иванов (1890 – 1915). Посмертная судьба чувашского националиста К. Иванова сложилась подобно судьбам других националистов и лидеров национальных движений. Политическая ситуация в Чувашской АССР способствовала идеализации образа поэта, которая проявлялась в идеологизации. В советский период в интерпретациях творчества К. Иванова доминировал своеобразный вариант эссенциализма и примордиализма. Советские критики были склонны искать в текстах поэта некое изначальное политическое и социально протестное содержание, приписывая ему определенный набор политических, почти революционных, добродетелей.

Подобное восприятие, хотя и было односторонним, тем не менее, доминировало в чувашском литературоведении почти безраздельно до конца 1980-х годов. К концу 1980-х годов в развитии чувашского интеллектуального дискурса как формы националистического участия наметились новые тенденции, связанные с попытками ревизии традиционных интерпретаций истории чувашской литературы. Ревизии подверглась не только советская чувашская литература, но и творчество классика чувашской поэзии Константина Иванова. На смену социально

маркированным прочтениям и интерпретациях текстов К. Иванова, пришли работы, выдержанные в национальных категориях, авторы которых, с одной стороны, акцентировали внимание на национальном контенте творческого наследия чувашского классика, а, с другой, смело проводя параллели с европейским (западным) культурным опытом. В частности, Ст. Александров был склонен интерпретировать историю чувашской литературы в начале XX века не в социально-экономических категориях, как было принято, в рамках советского исследовательского канона, но почти в контексте теории модернизации, подчеркивая, что Чувашия пережила «ускоренное развитие социального сознания» и «ломку патриархальных отношений» [1, С. 6].

По мнению С. Александрова, на протяжении начала XX столетия в рамках чувашского культурного контекста сосуществовали тенденции как модернизации, так и архаизации национального сознания чувашей. С архаизацией были связаны элементы «мифомышления» [1, С. 14], характерные для чувашского крестьянства, а с модернистскими концепциями – идейные искания чувашских интеллигентов, которые стремились перестроить самосознания своих соотечественников, то есть фактически создать современную чувашскую нацию. В рамках подобной интерпретации чувашский социум предстает как предмодерновый, характеризующийся «ослабленностью внутривидовых связей» [1, С. 8]. В конце 1980-х годов чувашские национально ориентированные интеллектуалы писали о секуляризации как компоненте модернизации социума [1, С. 8 – 9], обходясь уже без ритуальных заявлений о развитии атеистических настроений среди чувашей, что было невозможно представить в исследованиях 1970-х – начала 1980-х годов.

С другой стороны, подчеркивалось и то, что представители чувашской интеллигенции были знакомы с культурой Европейского Запада, стремясь интегрировать ее в чувашский культурный контекст [1, С. 9]. В этом контексте важнейшее произведение Кестентина Иванова «Нарспи» интерпретируется как проявление борьбы традиционалистских восточных тенденций с западными культурными и политическими трендами [1, С. 10 – 11]. Чувашские интеллектуалы предприняли

попытку отказаться от социально-экономически детерминированного канона восприятия чувашской литературы. Именно поэтому в интерпретациях, предложенных Ст. Александровым, социальный контент почти незаметен. Особое внимание им уделялось социальным и культурным идентичностям героев поэмы в контексте реальных идентичностных трансформаций Чувашии начала XX века. Станислав Александров во второй половине 1980-х годов полагал, что в начале XX века чувашский социум был готов к «освоению эстетических ценностей Запада чувашским (восточным) сознанием» [1, С. 11]. Подобные интерпретации демонстрируют степень перемен в рамках чувашского культурного и политического дискурса, форматоры которого несколько лет спустя будут писать не о восточном (ориентальном), но западном (окцидентальном) контенте чувашской идентичности.

В 1990 – 2000-е годы, со снятием идеологических и цензурных барьеров, ситуация изменилась. Кестентин Иванов усилиями чувашских интеллектуалов национализируется. До второй половины 2000-х годов фигура К. Иванова интересовала почти исключительно чувашских интеллектуалов-националистов, но после прихода к власти В.В. Путина, реализацией решений, направленных на уменьшение роли региональных элит в национальных республиках власти Чувашской Республики усмотрели в фигуре поэта мощный консолидационный и мобилизационный потенциал, а также возможность улучшить отношения с чувашскими националистами. Решение о проведении торжеств, связанных со столетием поэмы К. Иванова, было принято в 2007 году. Реализуя это постановление, правительство и министерство культуры организовали ряд мероприятий символически важных для чувашских националистов: были организованы дни чувашской культуры в Республике Башкортостан и в Ульяновской области. Культивируя позитивный образ Чувашии в Европе было организовано издание поэмы на немецком языке в ФРГ [3; 4]. Кроме этого вышло двуязычное, чувашское и русское, издание поэмы [2], сопровождаемое статьями, в которых доминировал национальный контент [5; 6]. К тому времени политический режим президента Н.В. Федорова, и сама фигура

президента были излюбленными объектами для критики со стороны национально ориентированных чувашских интеллектуалов.

Стремясь улучшить отношения с критиками и оппонентами, режим Н. Федорова пошел на ряд символических и национально значимых шагов. Состоялся конкурс сочинений среди учащихся общеобразовательных учреждений по поэме К.В. Иванова «Нарспи» «...Çакă сута тёнчере вайли сук та этемрен...» [3; 4], научно-практические конференции «Поэма К.В. Иванова «Нарспи» – литературный памятник чувашского народа», «Поэма К.В. Иванова «Нарспи» – выдающееся произведение чувашской литературы». В целях популяризации чувашской идентичности среди молодежи были организованы показы классической оперы «Нарспи» (Г. Хирбю) [4], мюзикла «Нарспи» (Н. Казаков), рок-оперы «Нарспи» (Л. Родинов, В. Яковлев). В подобной ситуации часть национально ориентированных чувашских интеллектуалов стремилась предложить (пост)модернистский образ поэта в качестве отца нации, способного консолидировать национальные силы чувашского общества.

В этом контексте работы чувашских интеллектуалов представляют собой совершенно сознательную попытку разрушить (пост)советский как исследовательский, так и политический дискурс и утвердить новый, открытый, тип функционирования интеллектуального и политического дискурса, который опирается именно на окцидентальную модель. Проанализировав некоторые националистические тренды в рамках чувашского национализма, следует принимать во внимание то, что чувашский национализм радикально отличается от русского национализма, для которого характерно почти полное отсутствие интеллектуального течения. Чувашский национализм демонстрирует достаточно высокий уровень политической культуры, в том числе – и культуры диалога, культуры политического участия. При этом перспективы развития чувашского национализма остаются достаточно неясными и неопределенными. Вероятно, в случае развития Российской Федерации в рамках демократической модели чувашские крайние националисты не получают политического шанса. Но тенденции

постепенного сворачивания демократических институтов ведут к росту национализма. В этой ситуации возможна этнизация политического национализма в Чувашской Республике, в рамках которого образы «отцов нации» могут сыграть роль эффективного мобилизационного механизма.

Библиографический список

1. Александров С. Поэтика Константина Иванова. Вопросы метода, жанра, стиля / С. Александров. – Чебоксары, 1990. – С. 6.
2. Иванов К. Нарспи / К. Иванов. – Чебоксары, 2008.
3. Положение о республиканском конкурсе сочинений «...Ҫакă сута тёнчере вайли сук та этемрен...». 16 мая 2008 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/.94353/116882/139066/139070/>
4. Приказ № 777 от 16 мая 2008 года Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики «О проведении республиканского конкурса сочинений “...Ҫакă сута тёнчере вайли сук та этемрен...”» [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/.94353/116882/139066/139070/435908/526579>
5. Хузангай А. Свет Нарспи / А. Хузангай // Иванов К. Нарспи / К. Иванов. – Чебоксары, 2008. – С. 5 – 25.
6. Хузангай А. Тайна «Нарспи» и чувашская культура XX века / А. Хузангай // Иванов К. Нарспи / К. Иванов. – Чебоксары, 2008. – С. 203 – 253.

Проблема интеллигенции в западноевропейской историко-философской традиции

В данной статье автор раскрывает «предысторию» российского дискурса об интеллигенции и показывает смысловую эволюцию понятия от гносеологической до социально-заземленной трактовки.

Ключевые слова: интеллигенция, западные тексты об интеллигенции, дискурс об интеллигенции

In this article the author reveals the «background» of russian intelligentsia discourse and reveals the semantic evolution of the notion from the epistemological to the socially-grounded interpretation.

Key words: intelligentsia, western intelligentsia texts, intelligentsia discourse

Несмотря на солидную историю и интенсивность изучения феномена интеллигенции, узловые теоретические моменты этой темы все еще сохраняют статус проблемы, что связано, в первую очередь, с отсутствием исходной научной абстракции, которая могла бы в «чистом» виде отразить сущность интеллигенции. В гуманитарном познании, а также при обращении к интеллигенции на обыденном уровне обнаруживается множественность смыслов и разнообразие трактовок интеллигенции, часто несопоставимых друг с другом.

Сегодня в силу своей социокультурной обусловленности дискурс об интеллигенции оказался смещенным в область отечественной мысли. Социально-заземленная интерпретация интеллигенции, характерная для российских мыслителей, генетически восходит к познавательной трактовке данной категории в русле западноевропейской философской традиции.

Сам термин возникает задолго до начала бурного обсуждения идеи «гомункула, возвращенного Петром» (М. Волошин). Основываясь на специальных исследованиях этимологии этого слова, предпринятых рядом отечественных и зарубежных ученых (Б.И. Колоницкий, С.О.

Шмидт, Ю.С. Степанов, М.Л. Гаспаров, И.В. Кондаков, В.В. Кожин, а также О.В. Миллер, Р. Дебре и др.), можно твердо говорить об ошибочности точки зрения, согласно которой впервые в научный оборот понятие «интеллигенция» было введено писателем П.Д. Боборыкиным в 1866 г. Ссылки на его авторство и утверждение о русском происхождении термина до сих пор широко распространены и кочуют из одной работы в другую. Как ни удивительно, некорректные данные представлены в толковых и энциклопедических словарях, в том числе современных. Стоит отметить, что доказательство рождения «интеллигенции» за границей не отрицает возможности рассмотрения русской интеллигенции как отдельного, уникального феномена. Если же интересоваться первым употреблением этого слова именно в России, то согласно С. О. Шмидту, еще в 1836 году, ранее «крестного отца», поэт В.А. Жуковский прибег к нему в своих дневниках, описывая петербургское дворянство [1; с. 32-33].

История термина и концепта «интеллигенция» начинается в древнегреческой культуре. Его первоисточником считается слово *poesis* («сознание, понимание в высшей степени»). «Ноэсис» как высшая категория объединяет в себе две более низкие степени сознания – *dianoia* («образ мыслей, размышление») и *episteme* («научное знание») [2; с. 17].

Этот греческий концепт повлиял на возникновение в классической, Цицероновской латыни слова *intelligentsia*, означающего «понимание», «способность к пониманию» [3; с. 7], а в дальнейшем – «высшую умственную способность, главенствующую над *mens* («ум, рассудок») и *ratio* («рассудок») [2; с. 18]. Употребляется «*intelligentsia*» у Теренция, Цицерона, Бозция. В сочинении «Утешение философией» «последний римлянин» и «первый схоласт» пишет о божественной интеллигенции как о высшей точке познания, взятого во всеохватывающем, универсальном масштабе. Она занимает верхнюю позицию в познавательной иерархии и не только объединяет в себе чувство, воображение, рассудок, но и «проникает лезвием чистого разума в самую простоту форм» [4; с. 99-100].

Идею о божественной природе интеллигенции продолжает развивать Н. Кузанский, представляющий ее в качестве универсальной силы, «совершенно единой и благороднейшей», «управляющей рациональными конкретностями», объединяющей человеческие души, «как совершеннейший вид золота по своей ценности охватывает все виды металлов» [5]. Человеческая душа, «стучась в дверь интеллигенции», пробуждается от «сна потенции» и поднимается к познанию истинного [там же].

К таким абстрактно-умозрительным значениям данной категории генетически восходят трактовки «интеллигенции» в русле немецкой классической философии, оказавшие в свою очередь сильное влияние на формирование понятия в русской социально-философской мысли.

И.Г. Фихте подчеркивает синтетическое бытие интеллигенции, ее самоценную сущность и противоположность вещественной, одномерной реальности. Определяя эту категорию в работе «Первое введение в наукоучение», философ указывает на самосозерцательную природу интеллигенции. То, что в ней есть, то, что она вообще есть, она есть для себя самой. Поскольку она есть для себя самой, она есть интеллигенция [6; с. 461, 462]. В интеллигенции, по мысли И.Г. Фихте, существует неразрывный двойной ряд бытия и созерцания, реального и нереального. В синтезе, которого лишены однопорядковые вещи, и заключается ее суть.

В духе И.Г. Фихте, для обозначения познавательной силы разума интеллигенция рассматривается Ф.В.Й. Шеллингом в трактате «Система трансцендентального идеализма». Под ней понимается вершина познания и одновременно весь познавательный процесс, заключающий в себе переходы от примитивного вселенского ощущения до творческого созерцания; от созерцания до рефлексии; от рефлексии до абсолютного акта воли, где бессознательное становится активной и свободной силой – интеллигенцией [7; с. 225-226]. Интеллигенция всеобщна, универсальна, но, в то же время, двойственна и противоречива. «Интеллигенция не может распространиться в бесконечность, так как этому препятствует ее стремление возвращаться к себе. Но она не

может и абсолютно вернуться к себе, ибо этому препятствует присущая ей тенденция быть бесконечной. Следовательно, опосредствование здесь невозможно, и синтез будет всегда лишь относительным» [8; с. 355]. Освобождаясь от «уз материи» в своем становлении, проходя через промежуточные органические звенья, интеллигенция становится тождественной «совершеннейшей организации» и посредством этого самоценным, свободным объектом [там же; с. 368].

В отличие от взглядов И.Г. Фихте и Ф.В.Й. Шеллинга в суждениях Г.В.Ф. Гегеля интеллигенция приобретает общественно-гуманитарный статус, что впоследствии воспринимается К. Марксом, связывающим ее с коллективным духовным самосознанием народа. Гегелевское диалектическое развитие понятия «интеллигенция» раскрывается в третьей части «Энциклопедии философских наук» – «Философии духа». «Если абсолютно бесконечный, объективный разум взять как его понятие, то реальность будет знанием, или интеллигенцией...» [9, с. 253]. Постигание интеллигенции Гегель сравнивает с постижением темного тайника, в котором сохраняется мир бесконечно многих образов и представлений без наличия их в сознании, что выступает всеобщим требованием постижения конкретного понятия. Он поясняет данный процесс примером: необходимо «понять семя так, чтобы оно в виртуальной возможности утвердительно содержало все определения, которые лишь в развитии дерева получают существование» [9; с. 283]. Интеллигенция является свободным существованием в-себе-бытия и имеет возможность овнешнить свою собственность. Для перехода в практический разум интеллигенция, сначала имея непосредственный единичный объект материального характера, перестает в дальнейшем относиться к единичности объекта и, сосредотачиваясь в самой себе, относит объект к всеобщему. На третьей ступени интеллигенция, понимая конкретно-всеобщее предметов, приобретает объективность. Таким образом, она раскрывается «как дух, возвращающийся из объекта в самого себя, в нем делающий себя внутренним и свое внутреннее признающий за объективное». Преодолев сферу субъективного духа, «волящая интеллигенция» обретает объективность и переходит в

практический дух, где знание превращается в конкретное и всеобщее, а воля «начинает становиться деянием и поступком» [там же; с. 284-312].

В ряде утверждений Г.В.Ф. Гегеля просматривается продолжение идейной линии Бозэция: «В теоретическом отношении к природе первой стороной является то, что мы отходим от явления природы, оставляем их в неприкосновенности и ориентируемся по ним. При этом мы начинаем с чувственных сведений о природе. Однако, если бы физика основывалась лишь на восприятиях, то работа физика состояла бы лишь в осматривании, прослушивании, обнюхивании и т.д., и животные, таким образом, были бы также и физиками. В действительности, однако, видит, слышит и т.д. дух, мыслящее существо... В теоретическом отношении мы отпускаем вещи на свободу... Лишь представление, интеллигенция характеризуется этим свободным отношением к вещам» [там же; с. 15]. Во внимании к многообразному наличному бытию непосредственно данного, в возможности останавливаться по собственному усмотрению на определенном содержании или переходить к другому состоит, по мысли философа, свободная деятельность интеллигенции [9; с. 184]. В процессе деятельности интеллигенции, характеризующейся как познание, она отнимает у предмета случайное, преобразует субъективное в объективное [там же; с. 266]. Именно идея о преобразовательных качествах интеллигенции в контексте всего гегелевского учения о самосознании духа в историческом процессе легла в основу представления о ней, как о социальной субстанции, и стимулировала поиски конкретного носителя, субъекта духовного самосознания народа, что соответствовало социально-политической обстановке в Европе той эпохи.

Так, французский историк Ф. Гизо в «Истории цивилизации во Франции» (1829 г.) говорит о «силе идей», «силе общественного разума-интеллигенции», которая не имеет строго очерченных контуров, но при этом принудительно воздействует на правление страной [10; с. 197].

К. Маркс характеризует интеллигенцию уже не в качестве некоего нематериального (эфирного, невесомого), парящего над обществом, вездесущего и «бездомного» разума, а видит в ней историческое

самосознание народа в процессе государственного строительства. Хотя философ и акцентирует внимание на носителе этого самосознания, но оно все-таки не связывается с каким-либо определенным социальным классом. Противоположны в этом отношении утверждения В.И. Ленина и К. Маркса. «Не примыкая к классу, – пишет наш соотечественник, – она (интеллигенция) есть нуль» [11; с. 441]. В статьях, объединенных названием «О сословных комиссиях в Пруссии», немецкий мыслитель высказывается следующим образом: «Интеллигентность... не есть ищущий удовлетворения эгоистический интерес, это – всеобщий интерес... Об интеллигентности речь может идти не как о части, входящей в состав целого, а как организующем начале... Чтобы требование представительства интеллигенции имело смысл, мы должны трактовать его как требование сознательного представительства народной интеллигентности, которая отнюдь не пытается противопоставлять отдельные потребности государству, но для которой высшая потребность заключается в том, чтобы претворить в жизнь самую сущность государства, рассматриваемого притом как ее собственное деяние...» [12; с. 287-290]. Однако логика размышлений К. Маркса «провоцировала» додумать, довести идею о носителе самосознания до предельно конкретного указания на ту или иную реальную группу людей, наделенных полномочиями интеллигенции в зависимости от изменяющихся социальных условий. Таким образом, марксистский текст занимает пограничное положение между гносеологической и социально-заземленной интерпретациями интеллигенции.

Фундаментальной вехой в историческом развитии понятия, имеющей значительные последствия для мировой социально-философской мысли, становится его проникновение в Россию. Здесь широкое распространение получает именно социально-заземленная интерпретация интеллигенции, в большей степени популярная, чем исходная, и в наши дни. Этим обстоятельством частично может быть оправдано нарушение исторической справедливости, заблуждение о русском происхождении интеллигенции. Смыслы, вкладываемые в одно

и то же имя при рождении, а затем при «крещении», не совпадали. Начиная с середины XIX века, в трудах отечественных мыслителей происходит «опредмечивание» бестелесного интеллигентского духа в виде вполне осязаемого и наблюдаемого социального явления [13; с. 15]. Такое эмпирическое воплощение абстракции знаменует собой разрыв между западноевропейской и российской традициями дискурса. Интеллигенция как атом дискурса, вторгаясь из внесемиотической сферы, находит себе место и получает осмысленность во внутреннем социокультурном поле, обеспечивая тем самым «апокалипсическое рождение нового» [14; с. 147]. Изменчивость социокультурного поля не оставляет статичными и смысловые отношения в дискурсе об интеллигенции. Их динамику можно наблюдать в русле российской дискурсивной практики, отнюдь не единообразной.

Пожалуй, единственное нетипичное для русских мыслителей понимание интеллигенции прослеживается в работах А.Ф. Лосева. Его трактовка восходит к немецкой философской традиции: «... интеллигенция есть соотнесенность смысла с самим собой, ... полагание себя как себя, утверждение себя тем же самым для себя, чем являешься вообще, сам по себе, т.е. определенным и оформленным через инобытие» [15; с. 24], диалектически взаимосвязанные «разумность и удовольствие» [16; с. 272].

Таким образом, западноевропейская историко-философская традиция изучения интеллигенции концентрируется в гносеологической сфере. В абстрактно-умозрительном значении, как наивысшая точка познания, понятие используется Бозцием, Н. Кузанским, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллингом. Общественно-гуманитарный смысл интеллигенция приобретает в работах Г.В.Ф. Гегеля, Ф. Гизо, К. Маркса, которые определяют ее в качестве универсальной, разумной социальной субстанции.

Несмотря на наличие генетической зависимости русских текстов об интеллигенции от западных, можно констатировать возникновение смыслового разрыва между исходной гносеологической и социально-заземленной трактовками. Наше социокультурное пространство

послужило своеобразным эпистемологическим фоном для дальнейшего развития отечественного дискурса об интеллигенции.

Библиографический список

1. Тепикин В.В. Культура и интеллигенция / В.В. Тепикин. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – 80 с.
2. Степанов Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «жертва» / Ю.С. Степанов // Русская интеллигенция. История и судьба / Сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 2000. – С. 14-44.
3. Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / М.Л. Гаспаров // Русская интеллигенция. История и судьба / Сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 2000. – С. 5-14.
4. Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций / В.И. Уколова. – М.: Наука, 1987. – 160 с.
5. Кузанский Н. О предположениях / Н. Кузанский // http://www.agnuz.info/library/books/o_predpolozheniyah
6. Фихте И.Г. Сочинения: в 2-х томах / И.Г. Фихте / Пер. с нем.; Сост. и примеч. В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 1. – 687 с.
7. Нарский И.С. Западноевропейская философия XIX века / И.С. Нарский. – М.: Высшая школа, 1973. – 584 с.
8. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2-х томах / Ф.В.Й. Шеллинг / Пер. с нем.; сост., ред., автор вступит. ст. А.В. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – Т.1. – 637 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель / Отв. ред. Е.П. Ситковский. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
10. Реизов Б.Г. Французская романтическая историография / Б.Г. Реизов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 535 с.
11. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений в 50-ти томах. – изд. 5-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – Т. 1. – 662 с.
12. Маркс К. О сословных комиссиях Пруссии / Маркс К., Энгельс Ф. // Сочинения. – изд. 2-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1975. – Т 40. – С. 275-291.
13. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 344 с.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
15. Лосев А.Ф. Форма. Стил. Выражение / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1995. – 900 с.
16. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: «Искусство», 1969. – 641 с.

Symbols of nationality through the eyes of Nicholas Roerich

The article deals with the views of the famous Russian intellectual Nikolai Roerich on the issue of nationalism. It is shown that different identities may have common features, and even the common origin. Eastern nationalisms thus may correlate with those of the Western.

Keywords: nationalism, identity, Nikolai Roerich

Статья посвящена рассмотрению взглядов известного русского интеллектуала Николая Рериха на проблемы национализма. Показано, что разные идентичности могут иметь общие черты, и иногда даже общее происхождение. Восточный национализм может пересекаться с западным.

Ключевые слова: национализм, идентичность, Николай Рерих

The problem of formation of national identity is central in the study of nationalism as a cultural and historical phenomenon. National identity can be configured differently depending on socio-economic, geopolitical, personal and household characteristics. However, in our opinion, the main factor of the crystallization of national consciousness is world-historical process and the local versions of history. Of particular interest in this context is the study of problems of formation of national identity, its characteristics and laws of more than one, individual ethnicity, and the comparison of methods of self-realization and the ways of Western and Eastern man as a national unit. The study of written sources of well-known intellectual N.K. Roerich can be very revealing.

State border according to N.K. Roerich may not coincide with national borders; it happened frequently in the past - the author explores the process of the great migration of peoples and analyzes its results. In this regard, it is significant that it was the Asian nations that have made a significant contribution to education, including both European and Asian nations. Now (in the life of Nicholas Roerich) the mismatch of boundaries may also occur in the East Asian area and include many nomadic peoples - perhaps for this reason these groups do not become dominant. Permanent residence in one place is

the main condition for gaining dominance in a particular territory. In the West, the process seems to be similar: nomadic peoples (Magyars) were not nations in the modern sense of the word, because moving from place to place, they could squander a significant body of people's wealth, later called national. Consequently, they did not have national status, they have not formed a national state and could in one form or another oppress neighboring peoples / nations. In other words, the national status, its acquisition or loss would depend primarily on the will of the peoples themselves, the potential bidders for the right to be called a nation.

Analyzing the meaning of the concept of 'nation', A. Smith concludes that "nation is an artificial category; it has no roots neither in nature nor in history." [14,p.238] The process of lowering the national status may also cover modern nomadic peoples, regardless of area of residence and national (cultural) achievements. It is possible in cases of neglect of antiquity, "Usually we have taken all the blame on the inexorable time, and people are relentless, and time, accurate performer of all desires, is just following in the footsteps of them. There are many inscribed errors around our series of monuments, so chronicler could make curious synodic of active figures that distorted antiquity. ... this should be done in the memory of posterity" [8, p.15]; the main mistake of modern man, according to N.K. Roerich is incorrect interpretation of the property of the past, "It is often said about the old days and in particular of the old folk, as a relic, natural dying from toxic side of misunderstood culture." [8, p.17] Cultural - akin to nationality, is necessary to (be) introduce(d), and the reproduction of the cultural revival as a nation can help people believe themselves as unified national community, "It's time to recruit new young forces in the circles of adherents of antiquity, until finally, this impulse will not go into the national creative movement, which cultural country is always so strong with." [8, p.20]

The status of the nation / state is not given once and for all; it might be acquired, lost or transformed. The struggle for national status of early state formations on the territory of modern Russia, as is known, wore a form of war against the aliens (Polovtsy, Pechenegs, the Swedes, French, Turks, British later on). It seems that neighboring peoples evolved (nationalized) under the

influence of the aggressive policies of their leaders – it's hard to imagine what form these groups of people might have found, while being civilians.

Nevertheless, national egoism destroyed Novgorod, Suzdal, Galician peoples - similar tendencies and processes could have happened with disappeared Asian and American ethnic groups. However, this is not the only reason: the very course of history indicates that these public entities were 'invalid', and new ones came in their place. At the same time the modern empire according to N.K. Roerich' understanding is unlikely to suffer from their own national self-interest: the generated imperial state has more leverage to curb nationalist sentiment. Empire seems to be a historical formation that had not happened overnight, and would have tent to disintegrate gradually. [*We are talking here about the Eastern Empires*]

The Russian people take on the outlines of a 'middle', the same apparently can be said about Russian nationalism: it is the median in terms of its messianic character. All the Russian seems to be presented by N.K. Roerich in the most unexpected situations, it is not accepted or perceived by all, "...not only native Russian motives, but even ... so now prized animal style, which is now admired in the finds of Scythian and Luritanian and, more recently caused some snobs just shrug." [8, p.623]

Another factor influencing the formation of national identity is assimilation of autonomous cultures. Absorption of 'non-state', the official ideology of indigenous cultures would be harmful because of the loss in this case the idea of self-identity. Those processes would acquire both soft and extreme forms of non-ancestral heritage, iconoclasm, rejection of other cultures, "Lun-po wants to stay with us, he wants to go to different countries, wants to learn Russian, but asks one thing, ' Do not cut my tress! ' And spit in his great, black, knee-length tress. We calmed him. No one attempts on his national pride. Apparently, he already knows that in China, it was indicated to cut hair..." [8, p.264] These would be the 'consequences of malignant nationalism.' [*Ernest Gellner expression*] In Asia, the non-dominant ethnic groups might be more likely, according to N.K. Roerich, on the verge of extinction, they could have been assimilated / absorbed by the titular nation within the empire. The system of symbols and stereotypes, adopted by a

majority of representatives of non-dominant ethnic group would be perhaps the only thing that can help not to disappear small Asian nationalities from the historical arena. This might be true for small peoples of Russia, "From a distance, the crowd is all white; and men and women in white coats; flooring sleeves and trimmed with black lace pattern unpretentious. So close to us, despising all identity, even survived the real specificity, half black and several hundred people value their features from other." [8, p.17] Representatives of the non-dominant, small ethnic groups might rebel against imperial domination, but such attempts could have been often harshly repressed. Commenting on the formation of small ethnic groups, M. Hroch emphasizes that " modern 'ethnic nationalism' is a phenomenon that is characteristic mainly for small ethnic groups or nations that do not have significant weight in the international arena." [4, p.142] Perhaps it is in order to leave behind a kind of memory that the representatives of small nations have been trying to fix their difference from other people in some way - the folklore, artifacts and other material circumstantial evidences are the witnesses.

Perhaps the important reason of extinction and disappearance of people is their level of economic development: both in Russia and in the modern to N.K. Roerich Asia people had been at the pre-industrial level of development. The process of formation of national states had gone along with industrialization and with the process called later globalization. However, in our view, industrial growth is not the only and not the main condition for the formation of national identity: the preconditions for economic development had existed as at the old Slavic communities and Asian, and Ancient America. N.K. Roerich uses the term 'nationalism' in the sense of preserving the special historical and cultural code; nationalism as a policy is presented by him in a negative way - he confuses it with other connotations, namely: 'chauvinism', 'denial of human heritage' and others. Paradoxically, nationalism turns to N.K. Roerich's feed not into a scientific category, but into almost abusive expression. This, in our opinion, is not only and not so much a historical subjectivism and the superficiality of Roerich's ideas. Hardly N.K. Roerich-intellectual was not familiar in life with theories of nationalism [6, 14] (including foreign), but he had been brought up in the spirit of Russian

national traditions and in his youth he was fond of Russian history and related disciplines, adheres to Russian nationalist movements in the spirit of the traditions of Orthodoxy, autocracy and nationality. Despite the fact that N.K. Roerich accepted the communist regime in the USSR, monarchical ideas in a kind of refraction do not leave him lifelong. The ideas of exclusivity of the Russian people could point at the classic nature of messianic Nicholas Roerich' nationalism. [9, p.729]

If we turn to the study of particular subjects of Nicolas Roerich' discourse, several subdiscourses of special attention may be revealed.

Nicolas Roerich' imperial project suggests that in addition to ethnic Russian indigenous peoples - Buryat, Yakut, other small nation groups would be able to accommodate in Russia. Their ancestral territory would remain within its previous borders. Perhaps Roerich leaves the story of everyday life of those people at the mercy of their own: they would marry each other or Russian, learn Russian in schools, etc., but the main thing is to live and remember their own traditions, only in this case there would not have been any problems with the definition of their place in the country. Overall, however, it is unclear how politically underdeveloped periphery would be integrated into the body of the state/empire.

The imperial project of N. K. Roerich is (inter)nationalistic: the titular nation is the Russian one, indigenous peoples have the right to remain within their identity. In this sense, according to Roerich the intellectual there is no historical-cultural constraints of the national imperial project in Russia: hypothetically everyone might be free to be who he considers himself to be. Nevertheless, one might still feel a certain superiority in his constructions of ethnic Russian: despite the fact that he mentions the characters of the local ethnic groups - Gesser Khan, etc., but within a single country the leader would be nonetheless the ethnic Russian. In fact, with some higher position he does not care, how the Messiah would be called - Jesus, Maitreya, or otherwise, for the Russian it would be one name, for the Buryat the other, the meaning would not change anyway. Perhaps these proper names N.K. Roerich uses to pay tribute to the culture of ethnic groups known to him: subsequently Jesus would be for non-Russian peoples a kind of prophet,

leader, authority. Commenting on the features of the process of designing the national versions of history, modern Russian researcher M.W. Kyrchanoff approaching from the standpoint of constructivism argues that “all nationalists, who design nationalistically correct and written ethnically versions of history, are extremely interested in some of the qualities of the mythical ancestors ... who are assigned to the same ideal of quality that is the greatness, wisdom, the militancy.” [5, p. 4-5] Despite the fact that the citation deals with principally another topic, it might be available to the subject discussing below. N.K. Roerich, like other nationalist intellectuals, does not shy away from this story: in his opinion, a leader had been sent to people in order to present an idea of their own importance, to prevent those or other miscalculations, bring a new level of quality of life – one could see that from the standpoint of the history of the everyday the function of leader is rather marginal.

N.K. Roerich plays on the national feelings of civilian Russian, appealing to the historical memory of its former greatness inherent in all Russian, without exception that is another primordialist element of his constructions. It seems that the researcher more fixates on the idea of Russian greatness and is trying to convince himself of the truth of his views. It is significant in this regard what the vocabulary is used by him: so talking about something pleasant, N.K. Roerich and his wife use the words ‘light’, ‘light-bearing’, ‘saint’, ‘magnificent’, often a few words written with a capital letter (‘Power’, ‘Beauty’, ‘Light’), thereby emphasizing the brightness and joy of future transformations and on the contrary, something negative might become for them dark, ugly, etc. N.K. Roerich assigns himself the great historical role, presented in front of everyman a ‘light-keeper’ (‘solntsenosets’ in Russian), a symbol of fire-cleaner that comes to help him through which all extraneous would eliminate, “N. Roerich is the same light-keeper as Goethe in his understanding. ... The sun of his life irradiates all dark, all the evil and destructive.” [7, p. 226] Using words in that way, N.K. Roerich emphasizes that is especially valuable for him - and should be so for all, trying to impress the listener to the importance of the message. Recipients of Roerich the communicator hypothetically are all Russian-born and of self-perception, wherever they currently are. However, not only ethnic Russians should heed of Roerich’ message: he understands

that separate people / nation is powerless, and unconsciously might look for support from the entire international community (ideas of cosmism). That is why people should not simply be able to get along with each other, but to go to a higher level of cooperation, self-defining what it should be - that becomes critical for Roerich in the construction of new Russia. Roerich says that the Russians is a peace-loving nation that is unlikely to harass neighboring small ethnicities. Perhaps the author is referring here to the geographical component of Russian history, that is large spaces had been absorbed rather than conquered by the Slavs / Russians.

One of the elements of cultural geography in Roerich' mind is an appeal to the local origins of Russia: Galician Russia for him might have been the historic 'old sister' of Russia today meeting with its 'senior sister'. The name 'Galician Russia' is not so much geographical as imagined in his mind, localized in the memory of their ancestors. It appears that the pre-existing pre-state formations (Novgorod Republic, Kiev Russia, Galician Russia) ceased to exist due to its original heterogeneity as they had been in the initial stage of historical development, and had given some continuity to Russia present, that might be pointed as a new primordialist sentiment of Nicolas Roerich. Novgorod people inherent efficiency and thrift, "... wherever there was anything remarkable, Novgorod people have visited that. They carried to Novgorod' jar from everywhere everything of value. They kept, harbored strong." [11, p. 141] Perhaps, as N.K. Roerich continues his discourse, "those treasures had been buried for us" [11, p. 141] and "everything had been about Novgorod land" [11, p. 141] should be understood in the sense of the special geographical, geo-strategic position of the region, allowing to freely interact with the neighbors.

Analyzing the value of Novgorod for the establishment of national history, another Russian researcher O.N. Trubachev believes that "the Novgorod land was one of the peripheries of ancient Russia, at that time, perhaps the farthest one. It so happened that it was the outskirts of Novgorod imprinted with his ancient dialect in ancient literature, perhaps best of all. But it must be understood in the sense that the other original suburbs of ancient Russia ... we just do not know." [15, p. 18] However modern brothers-Slavs

could contribute to reunification of the ancient territories and today's Russia, "There is a reunion. The elder sister came to the ancient 'Galician Russia.' ... Glad to hear about the brotherhood with the Czechs, for friendly cooperation with the Polish people, of a strong union with Yugoslavia." [11, p. 288] Brotherhood, cooperation, 'commonwealth' seem to N.K. Roerich primarily in the unity of mental, cultural, predetermining everything else, "Cultural ties! But this is the strongest bond. Hearty fellowship is in it. ... Let us specially think of the triumph of science, about the work as a universal connection." [11, p. 289]

However, this is not the only reason for the extinction of these formations: perhaps the transformation of the local language / languages had transformed / decayed ancient Russian state, which subsequently became Russian of modern. That is why it is believed that one of the main places in the nationalist rhetoric of Roerich the intellectual is payed to language. Language is a manifestation of uniqueness and chosenness of ethnic Russians, it serves according to Roerich some kind of guarantee of their continuity with the ancient Russian states located on the territory of modern Russia.

Native language for N.K. Roerich is a marker of national identity. Taking such a figure as melodiousness and comparing the Russian language with the ancient, extinct languages, he gives an advantage to their native language for the reason that the Russian is still alive, therefore, continues Roerich the thinker, it is quite in demand and could serve as a kind of tool and for the future, it is only necessary to know how to properly dispose of them in everyday life. Despite the fact that the Russian language had been transformed, its wealth have to be proved every day. In order to understand the plasticity, the power and beauty of the Russian language, according to N.K. Roerich, it is necessary to teach foreign languages. Mother tongue for it could stand for a means of expressing new concepts that come into our lives with the coming era. N.K. Roerich convinces himself that this era would come very soon, but taking into account the nature of the offshore length of his imagination, it seems that this idea would remain no more than a product of mental activity of the author.

Returning to the analysis of the existence of the Russian language, Nicholas Roerich underlines that the Russian people, mindful of their own greatness, are to be worthy of its unique language, "... let them [people] be worthy of the great language of this great nation." [9, p. 156] Roerich does not put all the Slavic languages in a row, calling it Russian 'language', other Slavic for him are only 'dialects', once again demonstrating the Russian people is one of the attributes of their own imperial grandeur. The Roerich' ideas of Russian greatness, its primordialist bias would be adopted in the second part of twentieth century by the so-called Eurasians far from scientific core. Nevertheless a mother tongue for him is imagined rather than the real basis for the approval of the Russian nation, because, speaking of the unity of nations, he mentions not only the Slavs, but also non-Slavic nomadic people - Hungarians and Latins – Romanians ("And the Bulgarians, Romanians, Hungarians and learn the value of community" [9, p. 288]); Hungarians came into Europe from the steppes. Perhaps that shows a certain facet of the Eastern nationalism of Roerich, he is referring to the nomadic Turkic people who came to the West (to Europe) from the East, and had contributed to the formation of linguistic diversity in Europe.

Etnosymbolization of past takes precedence within the description of the historical fate of Russia, it is relevant not only to the memory, but also to the age-old Russian real signs: the picture, the icon, as well as a modern phenomenon that is the painting. N.K. Roerich visualizes and then describes in his notes the process of constructing its own unique identity of the Tibetan artist, "...in white gallery of Talay-potang lareeva, lama the artist was sitting on a yellow carpet. He was drawing a complex composition on specifically prepared canvas. In the middle of the paint there was a powerful Ruler of Shambhalah in all the glory of his ruler's chambers. Downstairs there was a fierce battle. Dark enemies of the righteous Lord were being ruthlessly hit. The painting was decorated with the following dedication, 'To the Glorious Rigden, Lord of Nothern Shambhalah'." [10, p. 183] Not only might he point at the attempt to lift the veil of secrecy over the previously sacred Eastern everyday life, but the author might probably allude to common painting

techniques, as if the usage of bright or dark color symbolizes the same for the Western and Eastern people.

Image of nationalism and national identity of N.K. Roerich is common to all peoples of the planet (that is the preservation of cultural achievements). The researcher does not identify any steps in relation to nationalism nor to the East nor to other territories. Obviously, for the Russians as a nation the central task of realizing their own greatness is defined ('God's chosen people'); Eastern peoples' task is to free themselves from colonial oppression (he does not speak about it directly, rather it is read in author's parables and teachings); the problem of preservation of cultural values as a source of national identity is common to all people. In other words according to N.K. Roerich it should be pan-Asianism similar to pan-Slavism in the sense of unification of all Eastern peoples into one historical whole. On the one hand, the scientist tries to get rid of Eurocentrism, on the other he mixes (not separates) the Western with the Eastern, with the Slavic East. And while being in the East, N.K. Roerich continues to reflect on the West, he does not see (does not want to see?) the difference between the concepts of 'East / West', "Bellied white column; small painted ornaments; steep stone stairs; gilded roof of the temple; squeaky painted shutters; rusty locks; low door 'with a nod', carved balustrades, ramshackle plate stone floors, the smell of old varnish, small glass portholes. Where are we again? In the Rostov Kremlin? In Suzdal monasteries? In Yaroslavl churches? And countless flocks of daws. And the bare branches of the windows. This is the main palace of the Maharaja of Kashmir." [8, p.212] However, the Western national identity had occurred earlier than the Eastern one, so the European experience could be useful for the countries of the Third World. N.K. Roerich in this case prefers not to go into detail, highlighting what unites all people, that is cultural genesis.

Drawing on the Russian national costume is a sign of man's belonging to a particular social class / medium Russian province is another symbol of national identity, social and cultural plan, "... observing and integrating national symbols, we find out the historical significance of the net figure. In this you can see the mark of the primary thought of ... symbol of nature. ...

These combined mark for a long time ... The detached consciousness of the peoples.” [9, p. 181-182] Each element of the figure represented a special sort of memory to Nicholas Roerich, there lies latent form, a whole chain of causality history of our state, “simple Russian peasant woman has no idea what multi-colored layers in her suit stand for. And what symbol of human evolution recorded in her homespun ornaments.” [9, p. 181-182] The next character, which manifests itself in the minds of N.K. Roerich is the image of the patron saint of Russia, ‘screen’ from every evil. This symbol is the best built by him in the course of work on the restoration of the icons. The artist seems to be absorbing and takes over the pain of the saint, trying to feel and maybe live it, “No matter how heart ached Russian wherever sought is a solution of the truth, but the name of St. Sergius of Radonezh always remain the refugee, on which rests the soul of the people [Name of St. Sergius of Radonezh] always abide in the depths of people’s souls.” [9, p. 313]

‘Slavic layer’ of N.K. Roerich’ nationalism traced especially clearly when he is in the East, “When in the mountainous monasteries we heard thundering giant pipes and admired fantastic sacred dances, full of symbolic rhythms, again names Stravinsky, Prokofiev came to mind.” [9, p. 360] The essence of the people, nation, ethnic group could be understood by other people, according to the researcher, at some deep unconscious level, so all intuitively understand and accept each other, “... the heart of the peoples has universal language.” [9, p. 322] In particular, the ballet ‘The Snow Maiden’ helps to understand and accept the image of the Other due to the synthesis of elements from different cultures, “We [in the ‘ Snow Maiden’] have the elements of Byzantium: the king and his natural life. ... We are members of the East ... And finally, we have the elements of the North. Beyond the historicity of excessive ... ‘Snow Maiden’ is a real meaning as Russia, that all the elements it has become a legend within the universal and understandable to every heart.” [9, p. 322]

The Others, in the understanding of a thinker, are an integral part of our history, because if there were not various Others, Russia had failed to prove itself a strength, power and superiority. Wherever the threat came from, the East or from the West (the Mongol conquest, the Crusaders, Napoleon

invasion), Russia's great power, according to N.K. Roerich, only strengthened. The element of struggle to overcome foreign threat, struggles is the quintessence of all literary, artistic and, apparently, the meaning of life of Roerich couple. N.K. Roerich makes it clear that the ethnic Russian people may seem incomprehensible to an alien, mysterious, and so distant and intimidating others - in order to overcome such a negative image, it is necessary to pay more attention to the demonstration of historical cultural values to the Western man. With regard to the Eastern man, his world is probably much closer to native Russian, "During the construction of a Buddhist temple and a mosque (to prove the breadth of outlook of the Russian people) there was the idea of transportation of ancient Hindu temple to St. Petersburg." [11, p. 286] Reflecting on the topic of common elements of the culture of the East and Russian folk art, N.K. Roerich came to the conclusion that Russia is a part of the European consciousness, "... the children of the East most definitely recognized in the images of Lola and the great Water lilies and Gopi Krishna. In terms of the eternal wisdom of the East again interwoven with the best images of the West." [11, p. 360]

Roerich the artist is international in the sense that "his canvases as if condensed light of all countries, on all continents of the globe." [12, p. 212] Reflection on an autochthonous traditions on the canvases of the painter, according to V. Sidorov, "built in the visuals and color outbursts resurrected historical profit-tale", without regard the artist depicts the Old Slavic motifs or Buddhist monks. "The rollcall of legendary stories" [12, p. 212] of Russia and India of Roerich the artist, in our view, confirms the thesis of his internationalism. Roerich often resides in the imaginary, blurring the boundaries between the ideal and the real, so the "confusion of the real and legendary, probably the most characteristic feature of his style. The line between them had to be extremely mobile. ... In the contours of the mountains and the clouds suddenly discern majestically soulful faces, characters and stories ... are endowed with human traits." [12, p. 110] Analyzing the perception of Roerich fiction, V. Sidorov accurately determines that "understanding the importance legend cornerstone of the artist is not only an emotion, not just intuition; it is based on experience, observations, on a deep

study of the historical material" [12, p. 110] - thus proving a synthetic mindset of Nicolas Roerich.

Russia would become a modern Westernized state, it is necessary to always bear in mind its historical past, furthermore, it is necessary to preserve and honor the cultural heritage, remaining from time immemorial. According to N.K. Roerich, transformation of Russian society from the archaic nation-state towards Western-style might occur. Roerich designs Russia in a new way - this fact should be reflected in the assessment of his work in the USSR: the Soviet people knew Roerich more as an artist, not an intellectual. Russian nation for Roerich is both process and outcome: Russian processivity is defined by the fact that a nation in one form or another have existed before, i.e, the length of time it is undeniable, in addition, the correction of errors of the past for the future as an activity (and not just a concept) and is only possible in the time plane; Russian as a historical results are out of reach for the mentally unprepared citizen.

In our opinion, N.K. Roerich might be qualified both the imperialist and the nationalist, "narrow understanding of ethnicity strictly limits the area of ethnic nationalism and certain reserves as a residual category of civil too large and heterogeneous, and therefore useless. On the contrary, a narrow interpretation of 'civil' severely limits the scope of civic nationalism and certain reserves for residual ethnic category is too big and diverse, and therefore worthless." [3, p. 252-253] Imperial connotations in the form in which they are articulated in the USSR (socialism versus imperialism) is also not applicable to N.K. Roerich. In addition, the concept of 'nation / state' can cause distorted interpretation as theoretical constructs of Roerich do not give a clear answer to the question: is it possible to "pull the thin skin of the nation over the great body of the empire?" [2] As we see it, N.K. Roerich the intellectual is not to blame, because the mystical-philosophical ideas of cosmic unity of all peoples and nations inherent to him, in fact, nationalism in its modern political sense is not included.

Should there be a time, geographic, some other framework for the formation of national identity (from the point of view of a thinker and a simple man in the street)? Is it only being in one place, you can think about this

particular location? How does the perception change from the geographic point of view? How does a fully formed nation look like? According to the researcher of European nationalism M. Hroch, "... 'nation' certainly is not an eternal category, but the product of a long and complex process of historical development in Europe." [4, p.122] N.K. Roerich the intellectual adheres to similar views; traveling around Asia, he does not change his views on the Slavs, their communion with the Asian peoples. Of course, the formation of national identity and nation-building are two different historical processes, and its flow varies both regionally and chronologically. Illiterate Asian ethnic groups that live in the rocks of the mountains may not be aware of the existence of their closest neighbors - the Slavs of plain and partly Europeans could much easier learn about their neighbors. Reflections on the West while being in the East (and vice versa) changes only the perception of reality, but not reality itself: no matter what this or that nation seems to you ('nationality has become virtually inseparable from the political consciousness' [1, p. 153]) - the reality remains unchanged, and people themselves may have a completely different view of their own purpose and place in life.

Borders (socio-cultural, territorial, national) of the future state are not defined by the author. Nicholas Roerich the thinker does not refuse to attempt to identify new nationalisms, but the tradition returns him into the mainstream of catholicity, as mentioned above. The continuity between the old and new forms of nationalism takes Roerich to a lesser extent. The logic of his argument separates the reader from learning new forms of nationalism.

Bibliography

1. Anderson B., *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / Translated. from English. Nikolaev; enter. Art. S. Bankovskaya. Moscow: "CANON C-press", "Kuchkovo field", 2001. 288 pp.
2. Anderson B., *Western nationalism and Eastern nationalism: is there a difference between them?* [Electronic resource]: Portal "Russian archipelago» URL: <http://www.archipelag.ru/authors/anderson/?library=1462> (the date of circulation: 08.25.2014).
3. Brubayker R., *Ethnicity without groups* [Text] / Per. from English. I. Borisova. National Research University "Higher School of Economics." Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 408 pp.

4. Hroch M., From the national movements to a fully formed nation: the process of nation-building in Europe // Nations and Nationalism / B. Anderson. O. Bauer, M. Hroch, others; Transl. - Moscow: Praxis, 2007. - 416 p. P. 121-146
5. Kyrchanoff M.W., Kartvelian ethnic myth and coordinates the development of Georgian nationalism // Russian Journal of Studies of nationalism. 2012, № 2. Pp. 4-22.
6. Kovalevsky, P.I. Russian nationalism and national education in Russia. M. : World of Books, 2006. 259 p.
7. Roerich, Helen. Secret knowledge. Theory and Practice of Agni Yoga / El Roerich. M. : Eksmo, 2007. 912 p. : illustrated
8. Roerich, N.K., Altai-Himalaya: diaries, articles / Nicolas Roerich. - Moscow: Eksmo, 2010. - 640 p.
9. Roerich, N.K. Power light. M. : Eksmo, 2007. 848 pp.
10. Roerich, N. Shambhalah. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. – 288 p.
11. Roerich, N.K. From the literary heritage. Moscow, Publishing House "Art", 1974. 524 pp.
12. Sidorov, V. Order of the teacher. Articles; Reports; Speech. Moscow, "Fiction", 2001. 558 pp.
13. Smith, A.D. Nationalism and historians // Nations and Nationalism / B. Anderson. O. Bauer, M. Hroch, others; Transl. - Moscow: Praxis, 2007. - 416 p. P. 236-264
14. Stroganov, V. Russian nationalism, its nature, history and objectives / enter. Article Dr. Sc, Academician ES Trinity. Moscow: Publisher AKIRN, 1997. 87 p.
15. Trubachev, O.N. In search of unity. Moscow: Nauka, 1992. 186 p.

Локалізуючи модерне / урбаністическе і архаїчне / руральне в українських культурних просторах початку ХХ століття

Стаття сфокусована на відомій повісті українського письменника Михайла Яцківа «Блискавиці», в якій він торкнувся проблеми стосунків між статями і намагався дати відповідь на питання про можливість співіснування міських і аграрних культурних норм в динамічно змінюючому суспільстві.

Ключові слова: українська література, Михайло Яцків, «Блискавиці»

This paper is devoted to famous novel of Ukrainian writer Mykhailo Iatskiw "Blyskavitsi" where he touched upon problem of relations between sexes and tried to answer question about possibilities of co-existence of rural and urban cultural norms in intensive developing life of changing society.

Keywords: Ukrainian literature, Mykhailo Iatskiw, "Blyskavitsi"

Розвиток української культурної традиції в кінці ХІХ – початку ХХ століття було ознаменовано потужним впливом модернізму, яке це течія оказувало на всі прояви культурного життя українського суспільства. С найбільшою силою український модернізм заявив про себе в літературі. Модерністська традиція, її основи були закладені ще в результаті творчих пошуків Івана Франка. Пізніше модернізм уже панував на сторінках творів Володимира Винниченка, під несомненим модерністським впливом написані твори Ольги Кобилянської. Заметен модернізм і в драматургії Лєси Українки. Модернізм стикався з різними типами культури, ніби тестує їх і перевіряє на відповідність сучасності, духу часу. Тому, багато українських письменників того часу робили важкий вибір між двома культурами – сільською і міською, селянською архаїчною традиційною культурою і культурою сучасною, технічною, динамічно розвиваючою.

Селянська ідилічна традиція в українській літературі була закладена в ХІХ столітті, а найбільшим її представителем, виразителем і носієм традиційних цінностей, можна назвати Тараса Шевченка [1]. Міські мотиви виникли в українській літературній традиції майже

одновременно с крестьянскими, столь распространенными, нарративами. Вероятно развитие украинской культуры шло как противостояние этих двух, крестьянской и городской, тенденций, а утверждение модернизма столкнуло их и поставило украинских писателей перед выбором. Некоторые проблемы истории украинского модернизма как конкуренции двух типов художественной и литературной наррации изучены в украинском литературоведении в контексте интеллектуальной истории Украины на сломе двух эпох [2]. С другой стороны, большинство имеющихся исследований посвящено крупным, признанным писателям, классиками украинской литературы – И.Франко, Л.Украинке, В.Винныченко. В такой ситуации в исследовательский дискурс не интегрированы или слабо интегрированы некоторые украинские авторы, творчество которых так же развивалось под несомненным влиянием со стороны модерна.

К числу таких авторов принадлежит Мыхайло Яцкив. Вероятно, Яцкив как писатель имел две судьбы – собственно писательскую и исследовательскую. Первая сложилась вполне удачно – он много публиковался в ведущих украинских журналах своего времени, его книги замечала критика, признавались его заслуги. Судьба же творческого наследия Яцкива в литературоведении была не столь простой – в советский период за ним твердо закрепилась репутация реакционера-модерниста, украинского буржуазного националиста. Он не издавался и казалось пребывал в полном забвении вплоть до 1989 года, пока киевское издательство «Дніпро» не выпустило сборник избранных его произведений [3]. В 1990-е годы он нашел свое место и в исследованиях посвященных истории украинской культуры и литературы. Но на фоне признанных классиков Яцкив теряет и число работ, посвященных его наследию, невелико [4]. Поэтому, в центре внимания автора в настоящей статье будут проблемы столкновения и сосуществования двух типов культуры, сельской и городской, в одном из самых известных (входящих в программы для студентов не только в Украине, но и в украиноведческих центрах США и Канады) произведений Яцкива – повести «Блискавиці» («Зарниці»).

В центре повести – взаимоотношения художника Юра Крысы с двумя женщинами – Альвой Серпенс и студенткой Ольгой. Все герои, их поступки и поведение словно подчеркивают то, как мучительно искали украинские интеллектуалы свое место между двумя культурными традициями –

украинской сельской культурой и нарождающейся культурой города. Герои повести пытаются сделать выбор между традициями и современностью, между сельской архаикой и современной культурой города. И поэтому, героини решительно порывают с землей, ее крестьянскими традициями и бунтуют против своего неравного положения. Таким образом, в творчестве М. Яцкива заявил о себе и феминистский дискурс украинского модернизма. Вот почему, Альва задает себе вопрос «І прошу мені сказати, чи се може давати право родичам мучити мене своїми радами, увагами на кождім кроці, в'язати свободу і вбивати мою індивідуальність?» [5] о том в праве ли ее родители учить ее как жить, диктовать свои, унаследованные от сельской культуры, традиционные нормы поведения.

Протест нового человека, для которого культура родителей лишь этнографический сельский крестьянский колорит и антураж сталкивается с непониманием и нежеланием принять новое. Старшее поколение отрицает за новым право на свою собственную культуру и ценности. Культуры кажется некультурной, ценности – временными и надуманными. Более того, намечается разрыв и на более глубоком, мировоззренческом, уровне – то, что для носителей традиционной сельской культуры было амарально и неприемлемо, для новых поколений кажется устаревшим стереотипом, от которого следует отказаться: «Не раз звертає мені сестра увагу, що я тоді й тоді виказала таку або сяку думку і так поступила, а я стаю здивована — для мене се зовсім чуже! Перечу, на чім світ стоїть, а вона покликує свідків, і ті доказують, що я в блуді...» [6]. Поэтому, герои, которые оказываются носителями новых идей, в глазах представителей старшего поколения выглядят как возрастная аномалия, как потерянное поколение, неспособное принять их культурные ценности и продолжить их развитие.

Столкновение поколений и ценностей, крестьянской культуры села и современной культуры города становится более очевидной, когда речь заходит о родителях и об отношении к ним. Героиня с плохо скрываемым недовольством и раздражением говорит о том, что они не понимают ее. Впрочем, она сама не отрицает того, что их традиционные ценности кажутся ей не менее непонятными и странными. В итоге дети констатируют то, что родители оказываются для них почти чужими людьми и, если он указывает на то, что делает все не так как чила ее мать, то про отца только и говорит как о человеке из прошлого, носители устаревших взглядов, которому уже не

суждено приспособиться к новому: «Ох, матері не люблю! Все стараюся робити їй наперекір, і тішить мене, що вона всьо бере собі зараз до серця, ги-ги-ги! Вона, в суті річі, не зла жінка, але того рода, що я не стараюся її навіть розуміти... Щодо батька, ну, його мені жаль. Він старий, недомагає вже, соває ногами, недовиджує, має свої застарілі погляди, чоловік се простий, але характерний. Не хочу тим сказати, щоби мати робила що злого, ні, але вона негодна здобутися на щось вищого» [7].

В данном случае возможна параллель с повестью Агатангела Крымського «Андрій Логовський», где автор попытался разорвать связь родители – дети, сельская культура – городская культура. В книге А. Крымського сын-профессор приезжает к матери и осознает, то, что она для него совершенна чужда, не соответствует его положению. «Стара Лаговська виглядала з себе так, що її швидше можна було б залічити до “жінок”, ніж до “дам” ... Обличчя її - неінтелігентне, вульгарне. Руки червоні, порепані ... “В мене так-таки нічого німа спільного з нею”, - подумав собі Андрій і саркастично додав: “Я - продукт сучасної цивілізації, я дегенерат, я декадент, я людина з fin de siecle, я неврастенік, а вона - така некультурна баба, що навіть неврастенії не надбала... дарма що в неї епілепсія”» [8].

Другая героиня, Ольга, демонстрирует уже полный разрыв с традиционной украинской сельской культурой и представляет из себя типичную девушку начала XX столетия из интеллигентской среды, которую домашние дела интересуют куда меньше, чем политическая борьба и перспективы социалистической революции. Она и выглядит как типичная горожанка, в ней почти нет ничего от украинской крестьянки – за исключением, пожалуй, природности, ярко выраженной ранней крестьянской сексуальности. Поэтому, Яр Крыса и думает, что она является полной противоположностью Альве – она иная и по своим политическим предпочтениям и по манере одеваться: «На око була се дрібна, непоказна людина. В його уяві лишилися темні, прижмурені очі спідліб'я. Позичала від нього книжки і раз, коли підводив її домів, зайшов дрібний випадок. В хвилі, коли станули під брамою, Ольга зачепила груддю його рам'я. Не знав, чи сталося се нехотючи, чи нарочно, але звернув увагу на жіночу зрілість в тій молодій дівчині. Ольга виглядала майже непристойно. Ампірова чорна суконка обтискала її тіло, з-під станика виходили голубі, широкі рукави по лікті, глибоко відкрита шия, волосє причесане на уха, солом'яний капелюх з широчезним

дном. Бічні лінії капелюха разили віддаленем від силуети голови... плечі у неї були ширші від бедер, як у всіх розвідок, груди неприродно великі, обтисла суконка показувала її незгарний низький ріст, довгі руки і худі пальці. В додатку ті дві противні краски: чорна суконка, а з-під неї голубі рукави блузки! Суконка вишивана на груді, шиї і сподом жовтими взірцями» [9]. Таким образом, Ольга – это уже почти окончательный отказ от украинской традиционной культуры.

С другой стороны, для нее характерно и некое, почти рудементарное, понимание, едва ли не приклонение перед селом, традициями и особенно лесом, как одним из сопутствующих элементов культуры села («Ви любите ліс? - спитав Криса... Так, цілими днями і ночами сиділа би в лісі, коби лише комарів не було. - Тут убила на руці комара і потерла пальцями по червонім знаку. - Я не раз мріяла про хатку серед лісу... Носила би щодень багато диких цвітів, галузок всякого дерева, збирала би всяке зіле, ягоди, гриби... У нас великі гарні ліси. Люблю сидіти і думати в лісі перед заходом. Там десь-не-десь обізветься пташка, довкола тихо, а верхом лісу такий дивний гудок, іде... Тоді так мені жалко і добре, така туга обіймає... Людей не люблю, вони далися мені взнаки» [10]), то есть той народной культурой, с которой ее поколение так стремилось порвать и отказаться от нее как от некой, устаревшей и утратившей свою актуальность, архаики.

Но такое ощущение близости к народной культуре – обманчивая иллюзия. Ольга – человек современный, даже более чем. С удивлением Яр Крыса узнает о ее политическом революционном опыте. Если рассказы о том как она стреляла в Альпах из маузера кажутся ему лишь проявлениями присущего ей максимализма («Як була я в Альпах, то стріляли ми з одним товаришем росіянином з маузера. Люблю аузерівські пістолі»), то в другой ситуации, когда она говорит более откровенно, ему уже нечего ей противопоставить: «Тоді зналася я лише з одним осьмаком, він сидить тепер в Росії в тюрмі. Засудили його на вісім літ... Се діялося перед кількома літами під час революційних розрухів. Я також, сиділа в тюрмі. Мій перший любчик був жид» [11].

Вскоре Яр Крыса и сам убеждается в том как далеко готова была Ольга зайти в своем отказе от народной культуры: после одной из прогулок он пригласил ее к себе и в итоге она сама предложила ему себя – «Перекидалися словами до півночі, потім запали обоє в півсон. На досвітках спитала вона: Чи можу піти до вас?... Прошу. Обгорнув її ковдрою, сам

відсунувся до стіни. Згодом присунувся і водив пальцями по її принадах. Наткнувся на груди й здригнув. Були великі, і та надмірна зрілість дівчини торкнула його. Стямився, і знов цілий світ був для нього чужий. Але не міг опанувати здивовання. Я посуджував вас, що маєте штучні груди... Дівчина схопилася. Та-ак!? Направду!? Заллялася дзвінким, діточим сміхом, взяла його руку і потягала по грудях. Ну, з чого вони? З гутаперчі чи з розгару?» [12]. Но и этот эпизод не стал началом более глубоких отношений – женатый Крыса оказывается слишком традиционным, а Ольга выходит замуж, уезжает в Вену, но ее брак распадается и она возвращается на родину. Таким развитием событий Яцкив вероятно хотел подчеркнуть необратимость не только ослабления народной культуры, но и указать на значительный стимул к маргинализации, характерный для культуры новой.

В итоге, Крыса остается в своеобразном интеллектуальном одиночестве, в котором уже не в силах выбрать между Альвой, которая олицетворяла традиционную сельскую культуру, и Ольгой, символизировавшей отказ от такой культуры в пользу культуры современной, городской. Его беспомощный плач в финальной сцене («Зближався, як хвиля повені, плив з груді великана неуроєнний плач чоловіка. Була в нім сердечна скарга дитини і навіжена розпука демона. Темрява вслухалася зі страхом в той плач і пила його, як земля воду. Грізним реготом залунав пир громів, але плач чоловіка поборов їх і запанував серед темряви над цілою землею» [13]) только подчеркивает мучительность выбора, с которым столкнулись украинские интеллектуалы к началу XX века.

Подводя итоги, отметим, что творческое наследие М. Яцкива демонстрирует интересные дискурсы отмирания старой традиционной культуры украинского села и ее вытеснения культурой города, который также становился все более украинским. К началу XX века место действия большинства произведений украинской литературы, как и их авторы, перемещается из села, сельской местности в город, городской ландшафт. На смену идиллическим героям-крестьянам приходят прагматики-горожане. Именно город становится центром украинской национальной жизни. Но ни в коем случае не следует рассматривать Яцкива как своеобразного убийцу и гробовщика украинской селянской культурной традиции.

Модернизм, представителем которого был Яцкив, лишь временно потеснил сельские образы и крестьянские мотивы на задний план. Это вовсе

не означало, что модернизм ознаменовал победу в украинской литературе городской парадигмы. Украинское село не умерло для украинской литературы благодаря усилиям и стараниям писателей-модернистов. Они лишь изменили его облик, приспособив для развития и существования вне традиционного общества, так как к началу XX столетия стало очевидно, что оно уже обречено на гибель и не в состоянии противостоять мощной конкуренции со стороны новейших модерновых тенденций. Более того именно из выходцев из сельской крестьянской среды в дальнейшем и рекрутировалось большинство украинских писателей, которые пытались сочетать достижения современной цивилизации с крестьянскими ценностями, селянским (не в смысле сельским, но от украинского «селянським» - «крестьянским») мировоззрением.

Поэтому сельские и городские образы были в одинаковой степени характерны и важны для украинской литературы на протяжении всего XX столетия – мы находим их в творчестве советских украинских писателей периода «расщепленного возрождения», не смогли избежать обращения к ним и представители послевоенного поколения в украинской литературе. Вероятно, эта своеобразная дихотомия село-город / город-село имеет универсальный характер в украинском литературном контексте – иначе как мы можем объяснить наличие «селянських» мотивов в мегаполисном окружении пост-модернистской нью-йоркской поэтической группы.

Подводя итоги отмечу лишь то, что тема города и села в творчестве М. Яцкива не ограничивается лишь теми образами, которые проанализированы выше. Она более глубока и нуждается в дальнейшем изучении в контексте все украинской модернистской традиции в целом.

Библиографический список

1. См.: Г. Грабович, Кобзар, Каменяр, Дочка Прометея // Критика. – 1999. – № 3. – С. 16 – 19.
2. Агеєва В. Жіночий простір. Феміністський дискурс українського модернізму. - Київ, 2003; Гундорова Т. Проявлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація. - Львів, 1997; Гундорова Т. Femina Melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської. - Київ, 2002; Моренець В. Національні шляхи поетичного модерну першої половини XX ст.: Україна і Польща. - Київ, 2002; Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська літератури новітньої доби. - Київ, 2004.
3. Яцків М. Муза на чорному коні. - Київ, 1989.
4. Про М. Яцкива см.: Гундорова Т. Проявлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація. - Львів, 1997.
5. Яцків М. Блискавиці // Яцків М. Муза на чорному коні. - Київ, 1989. - С. 421.

6. Яцків М. Блискавиці. - С. 423.
7. Там же. - С. 424.
8. Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агатангела Кримського. - Київ, 2000. - С. 122 - 124.
9. Яцків М. Блискавиці. - С. 445 – 446.
10. Там же. - С. 446.
11. Там же. - С. 452.
12. Там же. - С. 453.
13. Там же. - С. 496.

ISSN 2226-5341

ПАНОРАМА

Научные труды

Факультета международных отношений

Воронежского государственного университета

Том XXII

Адрес редакции:

394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный
Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22